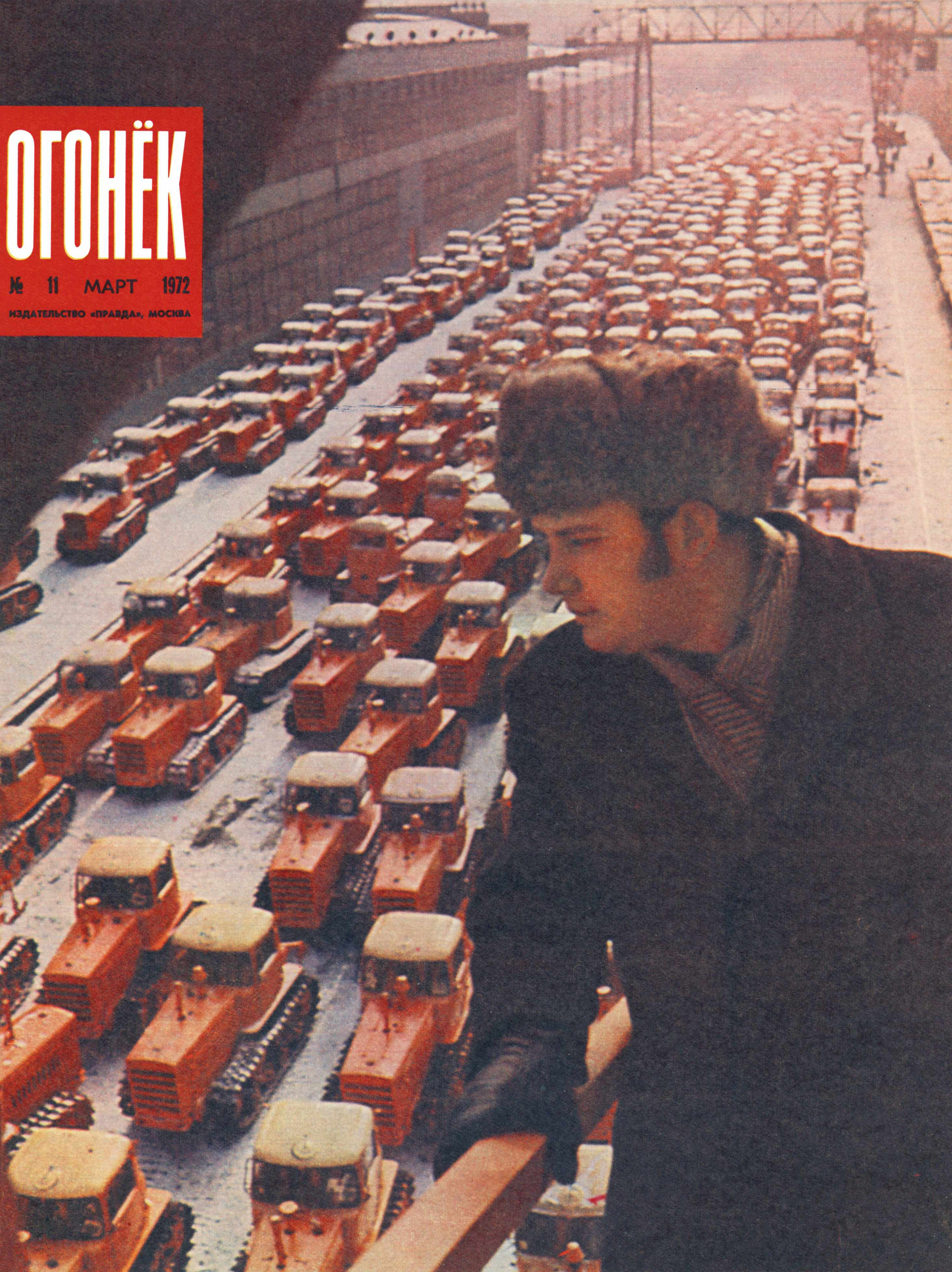
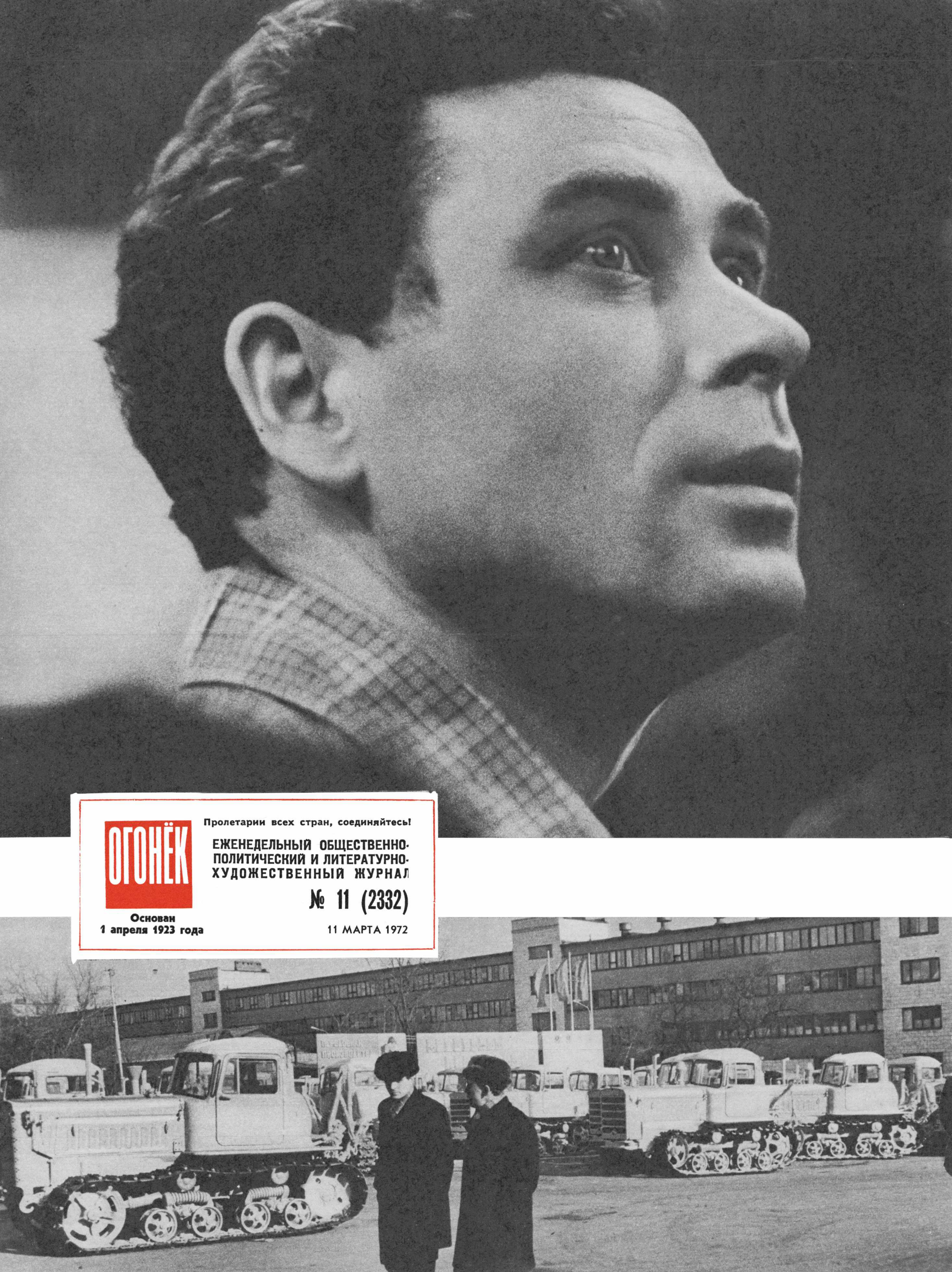
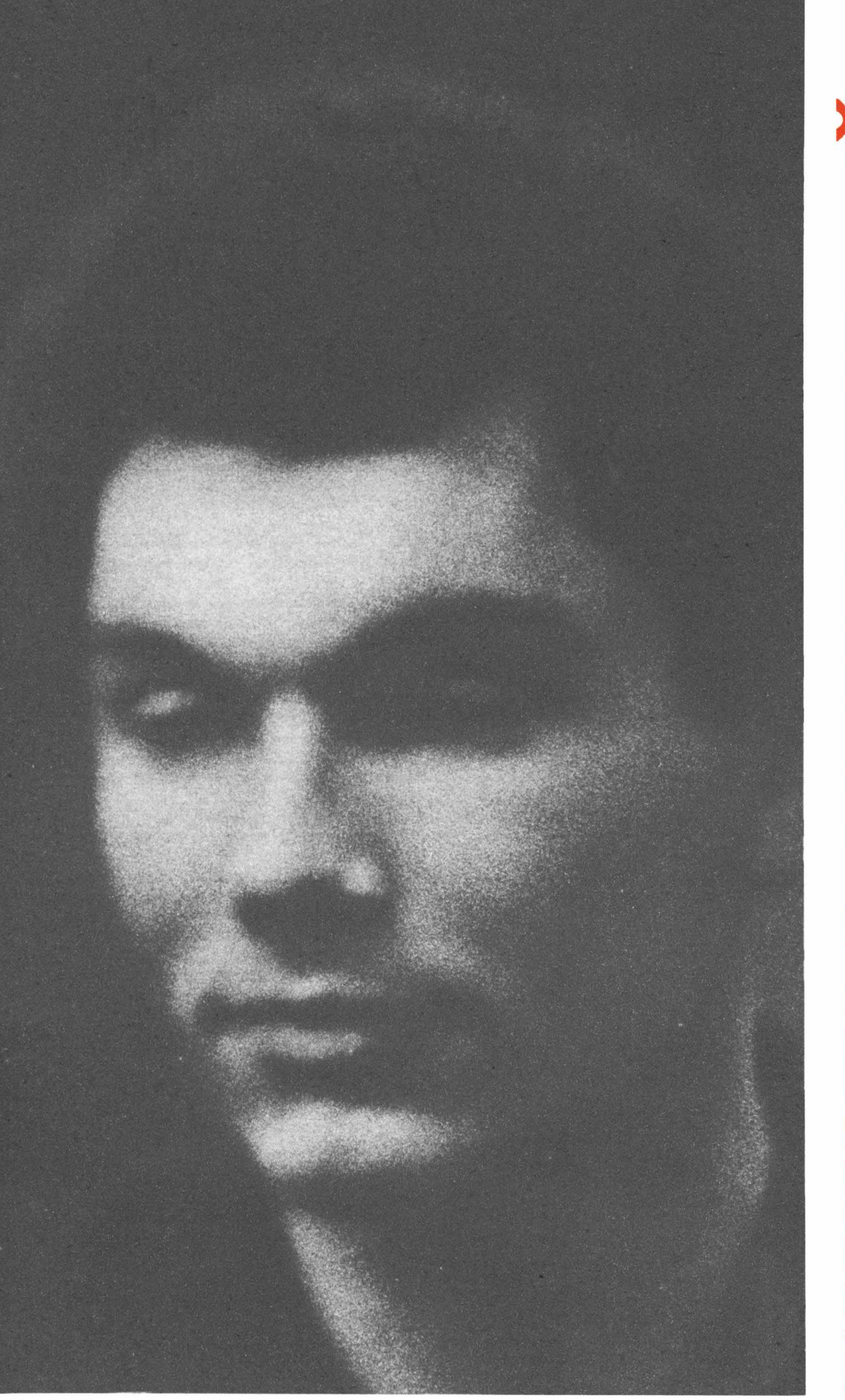

ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

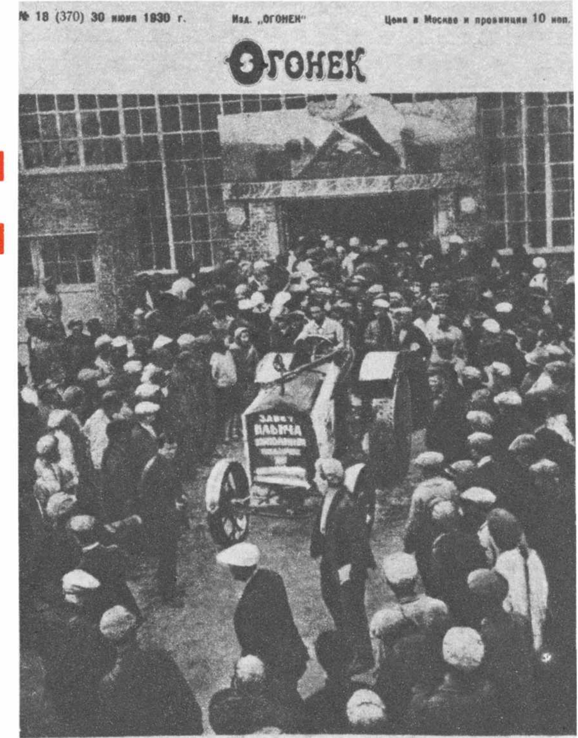

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 11 (2332)
Основан 1 апреля 1923 года
11 МАРТА 1972

ТРИЖДЫ РОЖДЕННЫЙ

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

Слесарь-сборщик Г. Букаев и его напарник А. Сучков.

№ 18 (370) 30 июня 1930 г. Изд. „ОГОНЕК" Цена в Москве и провинции 10 коп.

ОГОНЕК

РАБОЧИЙ КЛАСС ВСТРЕЧАЕТ ПАРТИЙНЫЙ С'ЕЗД КРУПНЕЙШИМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ПОБЕДАМИ

Первенец социалистических темпов — Сталинградский тракторный завод — вступил в строй. На снимке первый трактор завода — подарок строителей XVI партс'езду — выходит из цеха.

Фот. Б. Кудоярова

На обложке «Огонька» номер 18 за 1930 год была помещена фотография первого трактора, выпущенного Сталинградским заводом. Этот трактор был подарен рабочими XVI съезду партии.

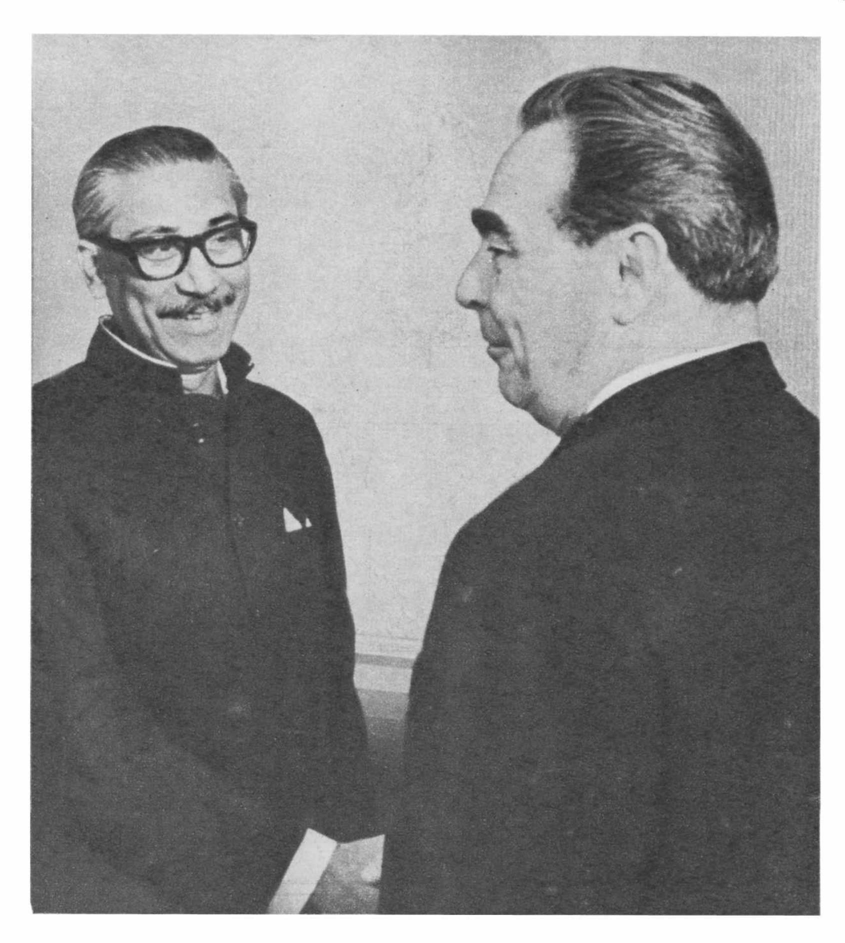
Редакция попросила корреспондента «Правды» по Волгоградской области В. ПОКРОВОВА прокомментировать эту фотографию.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

Смена идет...

ДРУЖБА И СОТРУДНИЧЕСТВО

В обстановке дружбы и сердечности.

Фото А. УСТИНОВА.

По приглашению Советского правительства с 1 по 5 марта 1972 года в Советском Союзе находился с официальным дружественным визитом Премьер-Министр Народной Республики Бангладеш шейх Муджибур Рахман, которого сопровождал министр иностранных дел М. Абдус Самад.

Во время пребывания в Советском Союзе Премьер-Министр и сопровождавшие его лица, помимо Москвы, посетили также Ленинград и Ташкент.

Главе правительства Народной Республики Бангладеш и сопровождавшим его лицам повсюду был оказан теплый прием, свидетельствующий о чувствах искренней дружбы и глубокого уважения советских людей к народу Бангладеш и ее руководителям.

Премьер-Министр шейх Муджибур Рахман был принят Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Он был принят также Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным. Во время этих встреч состоялись теплые, дружественные беседы.

Между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Премьер-Министром Народной Республики Бангладеш шейхом Муджибуром Рахманом состоялись переговоры.

Состоялись встречи и беседы министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с министром иностранных дел Народной Республики Бангладеш М. Абдус Самадом.

В «Совместной декларации Советского Союза и Народной Республики Бангладеш» стороны выразили твердое убеждение, что дальнейшее развитие дружественных отношений и плодотворного сотрудничества между Советским Союзом и Народной Республикой Бангладеш в политической, экономической, научно-технической и других областях, основанное на принципах равноправия, взаимного уважения суверенитета и независимости, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, отказе от применения силы и угрозы ее применения, отвечает интересам народов обеих стран, интересам общей борьбы против империализма и неоколониализма.

Небольшой деревянный домик, приютившийся на самом берегу Волги, окружен молодыми яблонями и вишнями. Весной, в пору цветения, он утопает в белой кипени. Живет в том домике заслуженный ветеран с тракторного, Герой Социалистического Труда Николай Афанасьевич Цветков.

Увлеченно рассказывает он о неповторимых днях своей юности. Ему еще и семнадцати не было, когда пришел на ударную стройку первой пятилетки. Работал землекопом, бетонщиком-смоловаром, маляром. Трудом и мужеством тысяч таких парней в пустынной волжской степи создавался первенец отечественного тракторостроения. Работали как одержимые — днем и ночью, в зной и стужу. Завод построили почти на год раньше срока.

— Как сейчас, перед глазами тот памятный день — 17 июня 1930 года,— рассказывает Николай Афанасьевич.— Сборочный цех забит до отказа рабочими. Гремит «ура», взлетают под потолок фуражки, красные косынки. Люди поздравляют друг друга, обнимаются. Оркестр грянул «Интернационал», и с конвейера сходит наш первый колесный трактор. Сколько было радости! Мы все старались пробиться к нашему первенцу и хоть бы потрогать его... А потом трактор отправили в Москву, в подарок шестнадцатому партийному съезду. Это был наш рапорт партии и правительству о том, что на Волге начал жить завод-гигант.

СТЗ-1, ставший ныне музейной реликвией, положил начало осуществлению ленинской мечты о ста тысячах тракторов, которым предстояло перепахать межи, веками разделявшие людей. Он помогал превратить Россию нэповскую в Россию социалистическую. Он породнил судьбы поколений, войдя в их жизнь легендарной страницей трудового подвига. Именно в ту пору в многотысячном коллективе закладывались славные традиции, которые со всей силой проявились в лихую годину. В дни войны завод стал воином. В цехах формировались рабочие отряды ополченцев. Тут же собирали танки. Выйдя из заводских ворот, они с ходу вступали в бой. И сейчас, как символ мужества и стойкости тракторостроителей, на заводской площади возвышается на постаменте знаменитая «тридцатьчетверка». Сто шестьдесят дней и ночей тракторный пылал в огне. Гитлеровцы превратили его в груду развалин. Но завод не умер. Едва отгремела битва на Волге, на фронт пошел первый эшелон с отремонтированными танками. На них была надпись: «Ответ Сталинграда!»

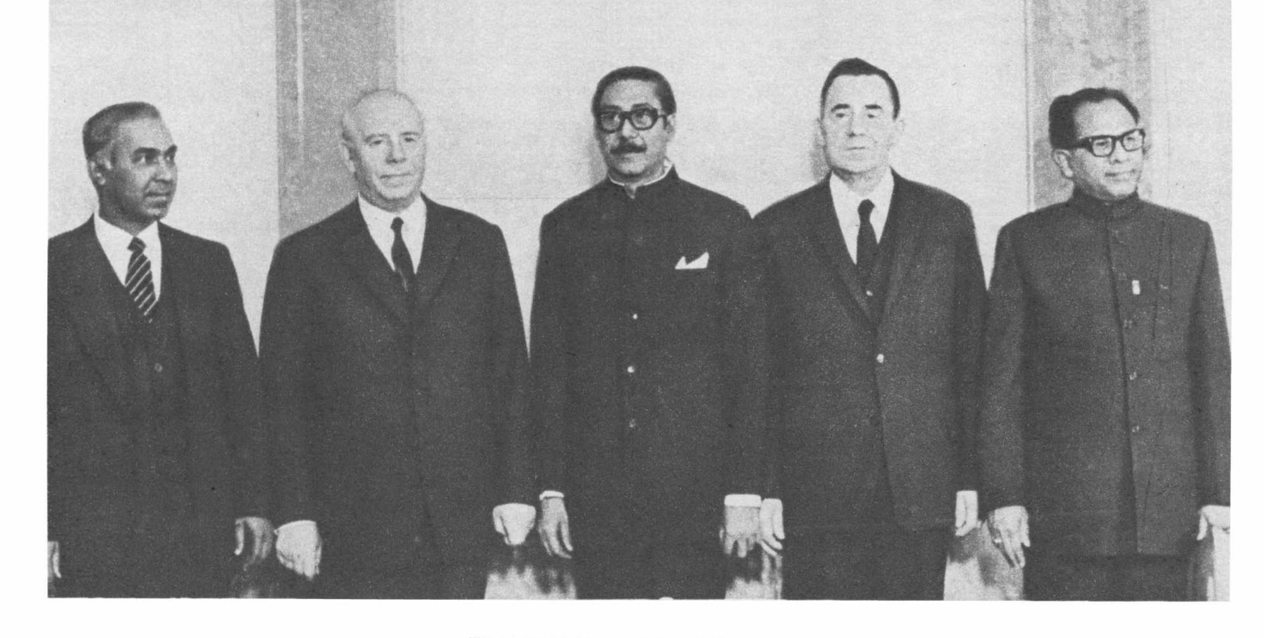
— А знаете, как немцы были ошарашены, когда увидели эту надпись?— улыбается Николай Афанасьевич Цветков.— Со страхом восклицали: «Разве Сталинград есть?» Сталинград жил. Жил и наш завод. В июне сорок четвертого пустили конвейер и опять стали производить тракторы.

Николай Афанасьевич много лет работал на главном конвейере сменным мастером. В его биографии, как в зеркале, отразились знаменательные вехи истории завода, связанные с борьбой за технический прогресс, наращиванием мощностей, освоением новой техники. Ему довелось собирать дизельный трактор ДТ-54. Без малого пятнадцать лет выпускали эти машины. А когда трактор «состарился», Цветков отвез его в Москву, в Музей Революции, где и сейчас на почетном месте стоит ветеран СТЗ. На смену ему пришел более мощный пахарь — ДТ-75, с которым, по существу, связано третье рождение завода. Производство подверглось коренному техническому перевооружению. Потребовались огромные усилия рабочих, конструкторов, инженеров, техников, всего коллектива, чтобы реконструировать цехи, сменить оборудование и на ходу, не останавливая конвейера, перейти с одной модели на другую.

И вот — праздник. Цветков хорошо помнит это волнующее событие. В канун ленинского юбилея в его родном цехе рождался необычный трактор — МИЛЛИОННЫЙ! Собирала юбилейную машину лучшая смена — В. С. Хорyженко. Виктор Степанович — ученик и преемник Цветкова, один из тех молодых командиров производства, которые ныне продолжают эстафету ветеранов-первостроителей. Ему нет еще и тридцати пяти, а четырнадцать из них отдано заводу.

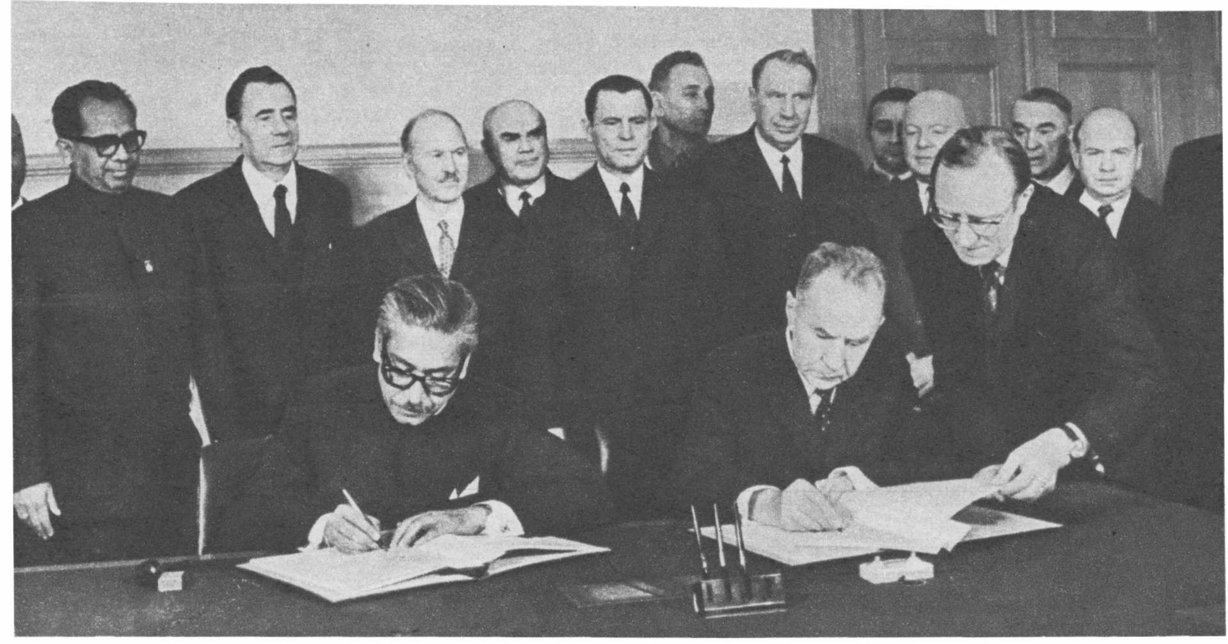
Я видел в тот памятный день Виктора Степановича. Высокий, подтянутый, он мелькал то в одном, то в другом конце конвейера. Для него это был, может, самый важный экзамен в жизни, и он, конечно же, не хотел ударить в грязь лицом. Сборка шла строго по графику. Вот трактору надели гусеницы. В кабину садится слесарь-моторист Иван Антипов. На радиаторе серебром горит цифра «1 000 000», а по бокам лаконичные слова: «Ленинскому юбилею — наш подарок!» В то время, как миллионный трактор сходил с конвейера, по радио передавали Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Волгоградского тракторного орденом Ленина. Четвертый орден на знамени прославленного завода!

Если вы сегодня побываете на главном конвейере, то встретите немало учеников и воспитанников Цветкова. Один из них — Геннадий Букаев. Коренной волжанин, представитель, так сказать, среднего поколения. На завод пришел в 56-м году, после службы в армии. Сразу попал на конвейер и вот уже шестнадцать лет собирает тракторы. Он наделен пытливой мыслью и редкостным прилежанием. На заводе его знают как

Москва. 3 марта. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный принял в Кремле Премьер-Министра Народной Республики Бангладеш шейха Муджибура Рахмана.

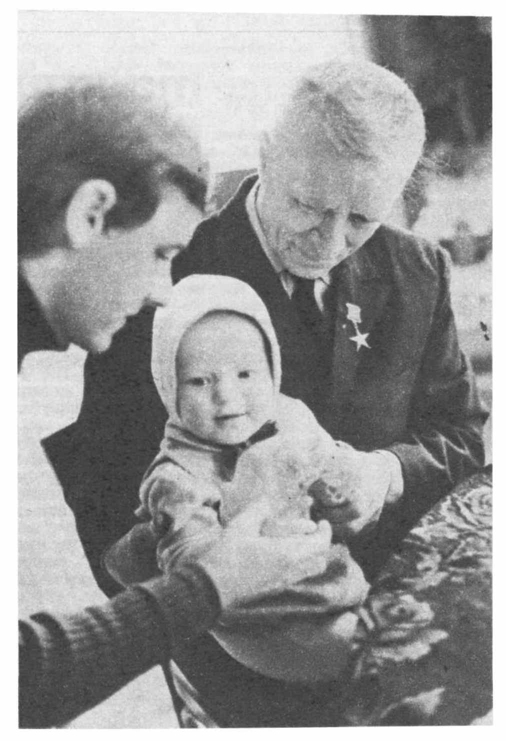
Фото А. КОНЬКОВА (ТАСС).

Москва. 3 марта в Кремле Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Премьер-Министр Народной Республики Бангладеш шейх Муджибур Рахман подписали «Совместную декларацию Советского Союза и Народной Республики Бангладеш».

активного общественника—он член партийного комитета—и как замечательного мастера, умеющего работать напористо, увлеченно. Недавно Букаев был удостоен высшей награды — ордена Ленина.

Геннадий Варфоломеевич выполняет на конвейере одну из сложных операций — устанавливает и регулирует систему управления трактора. Операция эта требует навыка, сноровки, точного глазомера. Букаев делает это дело так, что комар носа не подточит. У Букаева все рассчитано, ни одного лишнего движения.

Три поколения Цветковых: Николай Афанасьевич, его сын Виктор — слесарь на тракторном и внук Сережа.

Расспрашиваю Геннадия о заводских делах. Он в курсе всех событий. Пятилетку, говорит, начали хорошо. В минувшем году с конвейера сошли сотни машин сверх плана. А на этот год задание более напряженное — значительно возрастает суточная сборка тракторов.

— По примеру москвичей и ленинградцев,— говорит он,— наш коллектив взял высокие обязательства по досрочному выполнению девятой пятилетки. Предстоит немало сделать по наращиванию мощностей, совершенствованию технологии, механизации трудоемких процессов, повышению качества машин. Сейчас все цехи участвуют в подготовке ДТ-75 к аттестации на государственный Знак качества. В нынешнем году начнется серийное производство тракторов, приспособленных для работы на крутых склонах. А в заделе есть еще новинки: готовятся к ведомственным испытаниям пахари с мощными двигателями — 110 и 170 лошадиных сил.

И тут мой собеседник вдруг спросил:

— Видели нашего «Волжанина»? Загляните в экспериментальный цех...

В экспериментальном шла доводка новой модели. Возле «Волжанина», излучавшего оранжевые блики, стоял невысокий, пожилой человек в замасленной спецовке. Мы познакомились. Алексей Трифонович Борец — один из кадровых рабочих. Более четверти века испытывает опытные образцы тракторов, прокладывает им путь на главный конвейер. С заводом связал свою судьбу в ту трудную годину, когда цехи только еще поднимались из руин. Пришел прямо из госпиталя, где залечивал фронтовые раны.

— Чем же, собственно, хорош «Волжанин?» — поинтересовался я.

— Поверьте мне, машина что надо,— ответил Алексей Трифонович и, проведя рукой по капоту «Волжанина», добавил: — Вот о таком тракторе сегодня мечтают механизаторы.

И стал перечислять его достоинства. Машина мощная — мотор в 170 сил, это позволит почти вдвое поднять производительность труда на пахоте. Быстроходна — может развить скорость до пятнадцати километров в час. Впервые здесь применена гидродинамическая трансмиссия. Гидротрансформатор, как показали первые испытания, повышает долговечность узлов и механизмов. Скорость трактора переключается автоматически, обеспечивая нормальную нагрузку двигателя. Конструкторы позаботились и об удобствах для водителя. Кабина герметизирована, в ней всегда свежий воздух. И как бы подводя итог всему сказанному, Алексей Трифонович добавил:

— Что и говорить, работать на таком тракторе одно удовольствие...

БАНГЛАДЕШ СМОТРИТ ВПЕРЕД

Вадим КАССИС

Эту землю и людей, ее населяющих, горько было видеть всего лишь несколько месяцев назад. Тогда она называлась Восточным Пакистаном, а точнее, являлась частью Исламской Республики Пакистан. Ну а если обратиться к еще более далеким дням истории, то и Восточный и Западный Пакистан вместе с Индией находились под властью Англии, были ее колонией. Господство Лондона на полуострове Индостан длилось почти два века. Но патриоты не желали мириться с таким положением. Они боролись за свою независимость, требовали свободы. И она пришла на полуостров в 1947 году.

Ну а теперь обратимся к старой географической карте. Старой потому, что новую еще не успели издать. Вот он, Пакистан. Искусственно разорванная на две неравновеликие части, лежала эта страна, раздираемая внутренними противоречиями. Правящая группировка превратила свою Восточную провинцию в полуколонию. Здесь существовала откровенная дискриминация бенгальцев — коренного населения Восточного Пакистана.

А между тем люди «второго сорта» давали стране основную часть доходов. Они возделывали чай и хлопчатник, сахарный тростник и масличные культуры, рис и табак. А если говорить о джуте, то Восточный Пакистан давал более половины всего мирового производства этого ценного волокна. Из джута плетут канаты, ткут ковры, делают мешки для упаковки товаров. Торговый флот всего мира испокон веков пользовался тарой, изготовленной из пакистанского джута. Но рабочим от реализации продукции доставались крохи.

Долго ли подобное могло продолжаться?! Бенгальцы требовали справедливости, равноправия. Они хотели иметь то, что им положено, жить так, как должен жить человек. Они законно выступали за то, чтобы безжалостная эксплуатация была поставлена вне закона. Глава военного режима Пакистана Яхья Хан оставался глух к призывам бенгальцев. Он продолжал проводить антинародную политику. И тогда главная политическая партия Восточного Пакистана Народная лига, которую возглавлял шейх Муджибур Рахман, выступила с Программой. Эта Программа пришлась не по вкусу правящей группировке, потому что она предусматривала предоставление Восточному Пакистану более широкой политической и экономической самостоятельности. Дакка оделась в кумач лозунгов и транспарантов. Тысячи и тысячи людей скандировали здравицы в честь партии Народная лига и ее главы. Сердцами и совестью они были вместе с шейхом Муджибуром Рахманом. Но у них не было оружия. Военный режим обладал армией. И после того как в декабре 1970 года Народная лига получила на выборах в Национальное собрание большинство мест и шейх Муджибур Рахман имел право на формирование правительства, правящая группировка взялась за оружие.

Смысл этой карательной акции заключался в том, чтобы поставить на колени людей «второго сорта», заставить склонить головы. Они бросили в застенки лидера партии Народная лига, а саму партию приказали запретить. Они уничтожали деревни, казнили людей. Поля обагрились кровью, террор кочевал из города в город. Безоружных бенгальцев поливали свинцом. Люди покидали насиженные места и спасались бегством в Индию. В индийских лагерях для беженцев оказалось почти десять миллионов голодных, затравленных, больных женщин, мужчин, стариков, детей.

Но те, кто остался на своей земле, не пожелали сдаваться. Те поклялись отомстить за слезы и муки своих близких. В схватках с карателями патриоты-бенгальцы добывали оружие и шли с ним на смерть, веря в грядущую победу. Почти год назад, в апреле 1971 года, весь мир узнал о Декларации, которая провозглашала образование государства Бангладеш.

Но схватки на полях сражений все продолжались. Национально-освободительному движению бенгальцев противостояли теперь еще и силы империализма в лице США. Международный жандарм замахнулся дубинкой и на Индию, а подпевать ему во всеуслышание стали пекинские раскольники. Но и этот позорный «тандем» не сработал. Сегодня мы видим, мы знаем: на географической карте появилось новое независимое государство Народная Республика Бангладеш, а ее лидер премьер-министр республики шейх Муджибур Рахман уже побывал в нашей стране с официальным дружественным визитом. Свыше сорока стран признали молодую республику, которая достигла своей политической независимости дорогой ценой, но достигла, не отступилась от великих принципов национально-освободительной борьбы.

Бангладеш строится сегодня как государство на демократических принципах. В международном плане Бангладеш придерживается политики неприсоединения и дружбы между народами. В подписанной в Москве совместной Декларации Советского Союза и Народной Республики Бангладеш четко определены и наши двусторонние отношения, которые проникнуты чувствами взаимного уважения и взаимопонимания. Этот документ как бы подытоживает дни минувшие и определяет конкретную программу двусторонних отношений между СССР и Народной Республикой Бангладеш в самых различных областях жизни.

Шейх Муджибур Рахман назвал нашу страну пионером в борьбе человечества за свободу, социальную справедливость, за лучшее будущее. Он также выразил глубокую признательность советским людям за то, что с самого начала борьбы за независимость они встали на сторону его народа.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

БРАТСКА

Член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев приняли представителей общественности борющихся стран Индокитая, которые находились в Москве проездом после участия в состоявшейся недавно в Версале Всемирной ассамблее за мир и независимость народов Индокитая. Во встрече приняли участие член ЦК ПТВ, председатель Федерации профсоюзов Вьетнама Хоанг Куок Вьет, член ЦК Национального фронта освобождения Южного Вьетнама Данг Куанг Минь, член ЦК Патриотического фронта Лаоса генерал Ч. Синкапо и другие члены делегаций, а также глава советской делегации на Всемирной ассамблее по Индокитаю секретарь ВЦСПС П. Т. Пименов.

В состоявшейся беседе, прошедшей в сердечной, дружеской обстановке, представители борющихся народов Индокитая дали высокую оценку итогам Всемирной ассамблеи, рассказали о нынешнем этапе борьбы патриотических сил Вьетнама, Лаоса и Камбоджи против варварской агрессии американского империализма, о новых преступных действиях военщины США, еще раз разоблачающих лживую сущность американского «мирного плана из 8 пунктов».

Они выразили сердечную благодарность за теплое приветствие, которое направил товарищ Л. И. Брежнев в адрес участников Всемирной ассамблеи, а также высказали глубокую признательность КПСС, Советскому правительству, всему советскому народу за последовательную, всестороннюю и действенную поддержку справедливого дела народов Индокитая.

С советской стороны было заявлено, что Советский Союз решительно осуждает продолжающуюся агрессию США в Индокитае. Братская солидарность с народами Индокитая, оказание им всемерной поддержки в их справедливой борьбе — это последовательный и принципиальный курс нашей партии и государства, торжественно подтвержденный XXIV съездом КПСС. Героические патриоты Индокитая могут быть твердо уверены в том, что и впредь на всех этапах своей освободительной, антиимпериалистической борьбы они найдут в лице Советского Союза надежного союзника и верного боевого соратника.

Марек СЕЧКОВСКИЙ

magazyn ilustrowany
przyjaźń

Четверть века назад было подписано Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между Польшей и Советским Союзом.

— Это было наше первое международное соглашение подобного рода — так оценивает его сегодня председатель комитета по науке и технике Польской Народной Республики профессор Ян Качмарек. — Мы получили неоценимую помощь: 60 процентов поступающих из-за рубежа материалов, касающихся достижений технической мысли, приходится на Советский Союз. Эта страна широко открыла перед польскими учеными двери своих научно-исследовательских учреждений.

Благодаря контактам с советскими специалистами в Польше широкое развитие получили исследования в таких важных областях, как ядерная физика, физика полупроводников, геофизика, термодинамика необратимых процессов, квантовая физика, медицина, и многих других.

Согласованы перспективы долгосрочного сотрудничества, охватывающие около 1 800 научно-исследовательских и проектно-конструкторских работ.

ОБ ОДНОЙ ИЗ НИХ ПО ПРОСЬБЕ «ОГОНЬКА» РАССКАЗЫВАЕТ ПОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ «ПШИЯЗНЬ».

Я ВСТРЕЧА В ЦК КПСС

ДНЕВНАЯ ЗВЕЗДА

4 октября 1957 года, когда первый советский спутник полетел в космос, Збигнев Кордылевский приступил к занятиям на астрономическом факультете Вроцлавского университета.

Десять лет спустя доктор Збигнев Кордылевский приехал в Москву, в институт, который сокращенно называют ФИАН — Физический институт имени Лебедева. Польский ученый приехал для того, чтобы в лаборатории спектроскопии, которой руководил профессор С. Л. Мандельштам, познакомиться с советскими достижениями в исследовании Солнца.

В конце ноября 1970 года Збигнев Кордылевский на советском космодроме ждал того момента, когда ракета «Вертикаль» поднимет за пределы атмосферы научную аппаратуру, созданную учеными ряда социалистических стран, в том числе и ту, над которой он работал. Там, на космодроме, ученый и узнал, что во Вроцлаве у него родилась дочь. Об этом возвестил плакат, написанный на польском языке сотрудниками космодрома и укрепленный на двери лаборатории, где работали польские коллеги. Это произошло 24 ноября, а четыре дня спустя «Вертикаль» понесла ввысь польскую камеру, которая должна была сфотографировать Солнце.

Сейчас Монике Кордылевской 15 месяцев, а ее отец во вроцлавской лаборатории «Солнце — Земля» готовит новые приборы, которые на советской ракете или на спутнике будут постигать тайны Солнца.

— Что значит для вас Солнце?— спросил я Збигнева в его рабочем кабинете.

— Прекрасная дневная звезда,— восторженно ответил ученый, который всю свою жизнь посвятил точным исследованиям, казалось бы, далеким от поэзии.

День был солнечный, яркий, февральский снег весь искрился. Само светило как бы покровительствовало нашей беседе о прекрасной дневной звезде, которая светит всем, но не у всех рождает одни и те же мысли.

— «Интеркосмос» — это сокращенное название программы научных исследований, проводимых социалистическими странами. В Советском Союзе эти работы возглавляет Совет «Интеркосмоса» при Академии Наук СССР, а в других странах соответствующие координационные органы. В Польше, например, Комитет по исследованию и мирному использованию космического пространства. В 1967 году в Москве была принята программа сотрудничества по космосу. Эта программа включала исследования Солнца на советских ракетах и спутниках. По правде говоря, польские ученые давно лелеяли мечту — исследовать коротковолновые излучения Солнца за пределами атмосферы. Дело в том, что эти излучения не доходят до Земли, поглощаются в атмосфере. Опыты, проводимые на Земле, не давали ответа на интересовавшие нас вопросы. И вот в 1967 году было решено, что мы создадим приборы для фотографирования солнечной короны в рентгеновской и ультрафиолетовой частях спектра. Большую помощь нам оказали советские коллеги из ФИАН, которые уже имели солидный опыт в этой области.

А поскольку на кафедре гелиофизики я уже давно занимался наблюдениями за Солнцем (кроме того, моим пристрастием были искусственные спутники), в сентябре 1967 года меня послали на стажировку в Москву. В то время в ФИАН состоялось совещание экспертов, на котором намечались эксперименты по изучению Солнца в рамках взаимного сотрудничества. И я принял участие в этом совещании, теперь уже в качестве эксперта.

Збигнев Кордылевский показывает алюминиевый прямоугольный ящик с несколькими отверстиями с одной стороны и фотопленкой — с другой.

— Эта фотокамера побывала в космосе, сфотографировала Солнце и благополучно вернулась на Землю,— говорит он.— Вроцлавские ученые при помощи ракеты «Вертикаль» дважды фотографировали Солнце: первый — 28 ноября 1970 года, второй — 20 августа 1971 года. При проведении и того и другого эксперимента я и инженер Марк Хлонд присутствовали на советском космодроме. Мы участвовали во всех этапах работы, начиная от совместных испытаний приборов и кончая поиском и вскрытием контейнера после возвращения его на Землю.

Конкретный результат этих двух экспериментов,— продолжает доктор Кордылевский,— 16 снимков Солнца, которые зафиксировали лучи длиной 8—10 ангстрем. На основании снимков можно определить температуру солнечной короны, установить размеры источников излучения — иными словами, еще лучше изучить Солнце и происходящие там процессы.

Ракеты «Вертикаль» поднимали почти на 500-километровую высоту приборы для исследования ионосферы и Солнца, сделанные учеными ГДР, ПНР и СССР, а также аппаратуру для захвата микрометеоритных частиц, разработанную совместно венгерскими, советскими и чехословацкими специалистами.

В настоящее время коллектив вроцлавских гелиофизиков готовит новые приборы. Это будет ультрафиолетовый, или, иначе говоря, рентгеновский спектрогелиограф, который на очередной ракете, а может быть, на спутнике поднимется навстречу дневной звезде.

В Народную Республику Бангладеш возвращаются из Индии беженцы. Из десяти миллионов человек, нашедших приют и убежище на территории соседней, дружественной страны в период репрессий западнопакистанских войск в Восточной Бенгалии, в Индии пока осталось немногим более 2 миллионов человек.

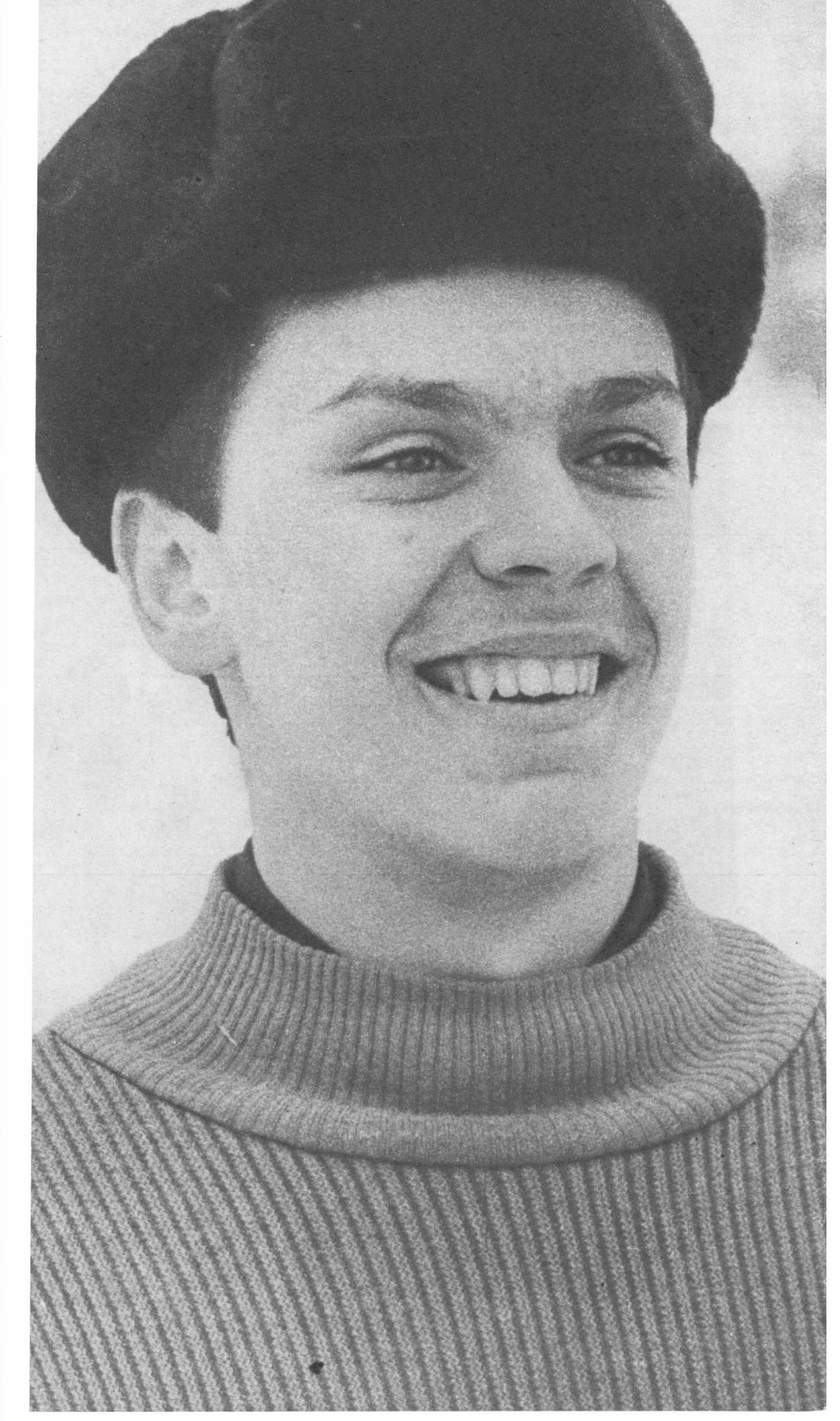

Все больший размах принимает забастовочная борьба итальянских трудящихся в защиту своих прав на труд, за повышение заработной платы, за улучшение условий труда. Недавно на римской площади Сан-Джованни состоялся 110-тысячный митинг рабочих во время всеобщей 24-часовой забастовки.

Калифорнийская реакция начала кампанию травли друзей и сторонников Анджелы Дэвис, которые способствовали ее освобождению под залог. Главным объектом своей террористической деятельности расисты избрали фермера Роджера Макэфи за то, что он передал Компартии США в штате Калифорния 405 акров своей земли под обеспечение залога для освобождения Анджелы из тюрьмы. Невыносимая обстановка создана в школе, где учатся четыре сына Макэфи. Дети подвергаются оскорблениям, а старший сын был жестоко избит. Угрозы не запугали Макэфи, который заявил о своем намерении стать коммунистом. Он также сказал: «Расистам не удастся заставить меня отказаться от моих взглядов». На этом снимке вы видите семью Макэфи.

Фото ТАСС.

Саша Пантелеев доволен.

С ПЕРВЫМИ СТАРТАМИ, ДРУЗЬЯ!

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

1 марта — первый день жизни нового комплекса «Готов к труду и обороне СССР». Остались позади дни всенародного обсуждения нового комплекса, всех пяти его ступеней, пришел день первых стартов. И вот в протоколы внесены сданные нормы, сделаны первые шаги к тому заветному дню, когда значок ГТО украсит грудь и пионеров, и подростков, и юношей, и девушек, и тех, кто, сдавая комплекс, достиг физического совершенства, и пожилых людей. Не теряя ни одного дня, начала наша молодежь свой поход в край силы и ловкости.

Ранним утром пришли на московский стадион «Торпедо» учащиеся общеобразовательных школ и школ производственно-технического обучения, и молодые рабочие Автозавода имени Лихачева, те, кто решил включить бег на коньках в число тех упражнений, которые им придется сдать для того, чтобы получить значок ГТО. Заняли свои места судьи на старте и финише, и бег на дистанцию 300 метров начался.

За 5 часов соревнований свою первую норму ГТО штурмовало 330 человек, но далеко не все радовались и ликовали на финише. Норму на серебряный значок выполнили 86 человек, а на золотой — всего 42. Остальным придется считать свой первый старт всего лишь разведкой боем. Но вот что примечательно: наши попытки запечатлеть горестные эмоции на лицах неудачников ни к чему не привели — у побежденных так же задорно блестели глаза и горел румянец на щеках, как и у победителей. «Ничего, победа будет за нами»,— сказал один из неудачников. А счастливый Саша Пантелеев, показавший самый лучший результат — 42,1 секунды, с достоинством разрешил запечатлеть себя для нашего журнала и обещал и остальные нормы сдавать только на золотой значок...

А в другом конце Москвы, тоже на дорожке, но не ледяной, а рекортановой, также кипели спортивные страсти. Молодые бегуны из школ Сокольнического района собрались под крышей манежа имени братьев Знаменских для того, чтобы испытать свои силы на дистанции 60 метров. Это было удивительно красочное зрелище: зеленый рекортан дорожки, красные майки бегунов, блеск золотых медалей олимпийского чемпиона Петра Болотникова, пришедшего поздравить молодых соискателей ГТО с их первым стартом,— все это настраивало на особенно праздничный лад.

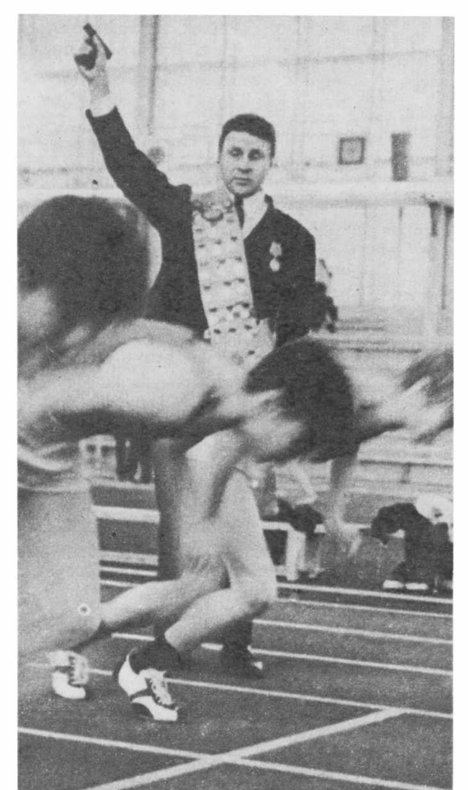
Петр Болотников вспомнил времена своей молодости, когда он вот так же сдавал нормы на значок ГТО, а потом взял в руки стартовый пистолет — и первая четверка устремилась по дорожке. За несколько дней до этого события в манеже имени братьев Знаменских проходило зимнее первенство страны, и по этой беговой дорожке проносились самые сильные спринтеры страны; теперь с не меньшим азартом и жаждой победы перед нами пробегали те, кто только начинал свой путь в спорт.

На всей территории Советской страны день 1 марта стал днем старта нового комплекса ГТО.

В. ВИКТОРОВ

Финиш по всем правилам.

Олимпийский чемпион Петр Болотников дает старт забегу на 60 метров.

В путь за значком ГТО.

Судейская коллегия самым тщательным образом фиксировала время каждого скорохода.

У ПАРТИЗАН РЕДЖО ЭМИЛИИ

В конце апреля — начале мая прошлого года в Италии проводилась декада итало-советской дружбы. Фотовыставки, лекции рассказывали итальянскому народу о решениях XXIV съезда КПСС. Фестиваль советских художественных и документальных фильмов знакомил итальянцев с лучшими достижениями кинематографии СССР. Московские и украинские артисты и коллективы художественной самодеятельности демонстрировали расцвет культуры и искусства в нашей стране. А в городе Реджо Эмилия была открыта персональная выставка народного художника СССР Н. Н. Жукова.

Сегодня мы публикуем рассказ А. Жуковой о памятных встречах на гостеприимной земле Италии.

Весной 1971 года в составе группы деятелей советской культуры мы побывали в Италии, в городе Реджо Эмилия. В те дни улицы города пестрели афишами и рекламными полотнищами, извещавшими о выступлении наших артистов, о встрече с космонавтом Г. Т. Береговым, о выставке советских космических аппаратов, о демонстрации наших фильмов...

С первой минуты мы почувствовали необыкновенно теплую, дружескую атмосферу и то товарищеское внимание, искренность которого проявлялась при каждой встрече. Вскоре мы поняли, что дружба эта, любовь и уважение к советским людям родились еще в трудные годы войны, когда на территории Италии в рядах движения Сопротивления плечом к плечу с итальянскими патриотами сражались и советские солдаты, бежавшие из фашистского плена. В партизанских отрядах они показывали примеры мужества и героизма.

Люди провинции Реджо Эмилия, находящейся на севере Италии, между Болоньей, Миланом и Моденой, с оружием в руках отстаивали свою свободу. Вместе с ними сражались советские партизаны. Молодое поколение много знает о подвигах советских героев и свято чтит о них память.

Именно здесь, в провинции Реджо Эмилия, действовал русский ударный батальон под командованием капитана Владимира Переладова, впоследствии награжденного «Гарибальдийской звездой» и высшей наградой Италии — золотой медалью «За воинскую доблесть». Именно в этих местах сражался в рядах итальянских партизан легендарный комиссар русского батальона Анатолий Тарасов из Ленинграда.

Когда наше правительство наградило орденом Отечественной войны восемь итальянских граждан «за смелость и мужество, проявленные при спасении военнослужащих и оказании им помощи во время второй мировой войны», первым в этом списке был Альчиде Черви, дом которого находится в деревне Кемпенджино, близ Реджо Эмилии. Эта дружная семья итальянских крестьян в дни гитлеровской оккупации прятала в своем доме бежавших из плена русских солдат и, снабдив их одеждой и питанием, переправляла в горы, к партизанам.

В своей книге «В горах Италии» А. Тарасов вспоминал о том, как 28 декабря 1943 года на полигоне в Реджо Эмилии были расстреляны все семь сыновей Альчиде Черви. Этой страшной расправы сердце матери не выдержало. Через несколько месяцев она скончалась. Отцу удалось спастись — он убежал во время бомбежки из тюрьмы. Узнав о гибели своих детей, Альчиде Черви поклялся продолжать начатую ими борьбу.

Теперь в доме Черви открыт музей. И советские люди, приезжая сюда, обязательно посещают его, а на месте расстрела братьев Черви возлагают венки.

Вот почему каждый день посетители на выставке Н. Н. Жукова оставляли красные гвоздики у портрета Ленина, у листовок и у рисунков военных лет.

В те весенние дни из Ленинграда пришла печальная весть о кончине Анатолия Тарасова. На другой же день во всей провинции Реджо Эмилия появились огромные плакаты, в которых Ассоциация итальянских партизан (ANPI) с глубоким прискорбием извещала о кончине своего бойца, друга, товарища. У плакатов собирались люди, что-то тихо говорили, должно быть, вспоминали встречи с прославленным русским партизаном.

Товарищеская солидарность и единство коммунистов особенно ярко проявились на демонстрации 7 июля 1960 года. В тот день на главной площади Реджо Эмилии неофашисты, пытаясь разогнать демонстрантов, убили семерых жителей города. Но коммунисты победили. Жертвы были похоронены на месте гибели, рядом с памятником партизанам. И с тех пор всегда первый венок во время демонстраций возлагается на могилу погибших.

Первое мая! С утра под звуки песен «Бандьера Росса», «Интернационал», «Катюша» с красными и трехцветными знаменами, с лозунгами и карикатурами, обличающими американский империализм, стекаются на площадь тысячи людей. Многие одеты в партизанскую форму — береты, гимнастерки с красной или трехцветной косынкой, и на груди красная звездочка. Во время войны партизаны сами мастерили ее из дешевого красного миткаля, но как она была им дорога! Загорелый седой старик, с загрубелыми крестьянскими руками, увидев, что я фотографирую памятник партизанам, просит снять и его.

— Но только обязательно на фоне памятника, так как я сам тоже бывший партизан! — пояснил он мне.

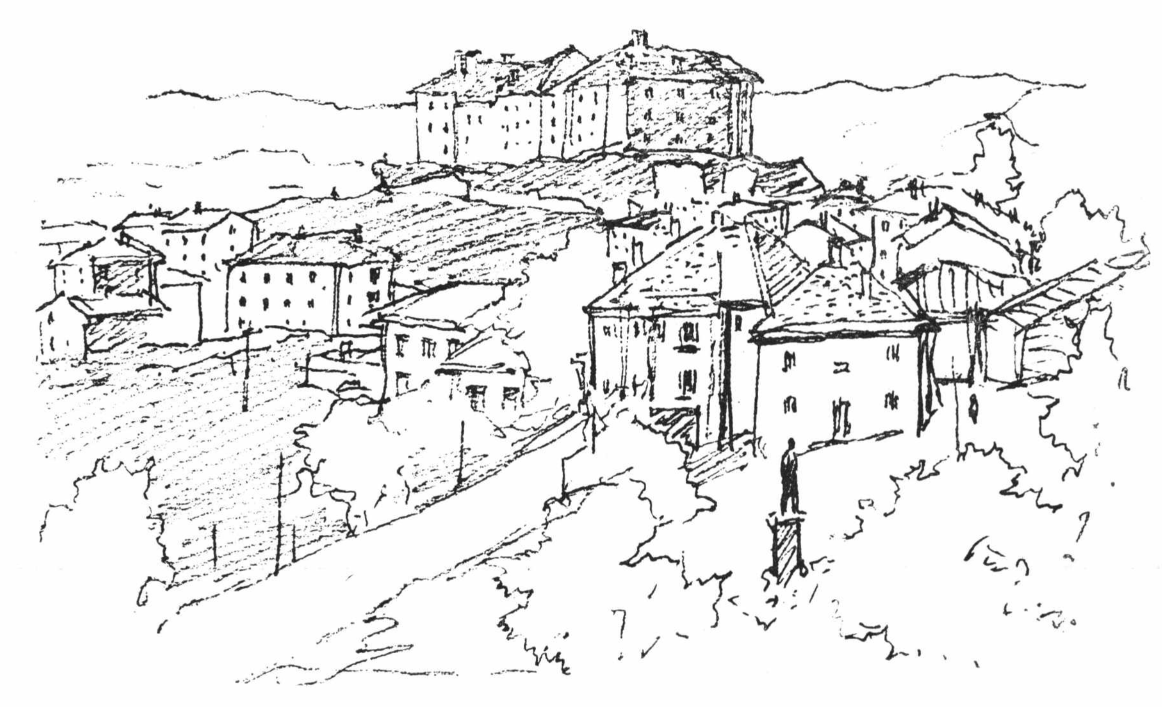
Делаю несколько снимков, и мы вместе идем на выставку, где Николай Николаевич заканчивает портрет рабочего театра — Эрио Камеллини, бывшего командира партизанского отряда по боевой кличке Джек. До сих пор это славное партизанское имя осталось за Эрио. «Джек!» — с гордостью восклицают его товарищи, и для того, чтобы мы сразу поняли, что это за парень, поднимают вверх большой палец. Эрио тоже в партизанской форме. Все уважение к нему и гордость за товарища вылились в одобрительных аплодисментах, когда Николай Николаевич показал уже готовый акварельный портрет Джека. А за окном в это время перед затихшей тысячной толпой демонстрантов гремела на всю площадь взволнованная, зажигательная речь оратора.

После митинга люди шли на выставку. Семьями ходили по залам, внимательно и долго смотрели на портреты В. И. Ленина, что-то возбужденно и весело говорили, рассматривая серию рисунков «Дети», видимо, узнавая в рисунках жизнь собственных ребят, с интересом разглядывали русские пейзажи, узнавали свои итальянские города и памятники и, умолкая, долго стояли у стендов с коротким и страшным словом «война». Каждый из посетителей брал на память открытку и просил автограф у русского художника. «Cordialmenté» — «Сердечно» — возникала надпись.

Н. Жуков. БЕДДЖИ ЛУИДЖИ.

Н. Жуков. РОЗИНА БЕККИ.

МОНТЕФЬОРИНО — ПАРТИЗАНСКАЯ СТОЛИЦА. СЗАДИ КРЕПОСТЬ «РОККА ДИ МОНТЕФЬОРИНО».

В этот день выставка была открыта до 11 часов вечера. А закончился праздник далеко за полночь, так как в 12 ночи после концерта украинского самодеятельного ансамбля песни и пляски «Светанок», выступление которого пользовалось большим успехом, коллектив этого ансамбля устроил праздничный прием для членов общества «Италия — СССР». И в ночной тишине в небольшом североитальянском городке звучали революционные и военные песни на русском, украинском и итальянском языках.

К этому времени у Н. Н. Жукова было уже сделано около 10 портретов. Только что созданные работы сразу вывешивались для обозрения. Теперь на выставку приходили родственники партизан, друзья и знакомые, чтобы взглянуть на новые портреты.

Секретарь Ассоциации итальянских партизан Франзини Джуеррино обратился к художнику с просьбой написать портреты родителей семи погибших братьев Черви.

Сейчас Франзини Джуеррино, бывший боец и участник многих сражений, является директором Института истории движения Сопротивления, автором книги «История Сопротивления в Реджо Эмилии».

Каждый день приходили к советскому художнику позировать взволнованные воспоминаниями о боевых партизанских днях уже немолодые итальянцы. Они вынимали бережно хранящееся партизанское одеяние, свои боевые награды, надевали береты с красной звездочкой.

Когда был готов портрет партизанки Розины Бекки, у многих присутствующих на глазах выступили слезы. Не от сентиментальности, нет! От благодарности этой мужественной, отважной партизанке. Бесстрашная разведчица и связная, она выполняла самые рискованные задания. Но однажды, когда Розина собирала информацию в районе, занятом вражеским гарнизоном, ее схватили и бросили в тюрьму. Никакие издевательства и пытки не смогли сломить ее стойкости и верности партии и народу. Как связная, Розина знала сотни адресов, фамилий, явок, но ни одно слово не вылетело из ее уст...

Награжденная серебряной медалью «За воинскую доблесть» боец-партизан Розина Бекки и сейчас активно защищает права трудящихся, работая в муниципалитете города.

Каждый день приходил на выставку статный, седеющий Амос Бадони — коммунист-партизан, испытавший ужасы и пытки фашистской тюрьмы. Он горячо, темпераментно проявлял свою любовь к людям из Советского Союза. В эти дни он стал нашим постоянным «болельщиком», каждый день приводил своих друзей, родственников и, как заправский гид, водил их по выставке. Таким же постоянным гостем была у нас и Анна Беддджи. Портрет ее мужа Луиджи Беддджи, партизана, дорожного рабочего, Н. Н. Жуков сделал в первые дни.

И вот закончен последний портрет — президента местного отделения Ассоциации итальянских партизан Джизмондо Верони, бесстрашного бойца, награжденного многими орденами и медалями.

Весть о том, что в Реджо Эмилии открыта выставка советского художника и что он пишет портреты партизан, дошла до Модены. И однажды оттуда приехал Эмилио Ниччоли — бывший партизан, коммунист, и предложил нам поездку в столицу партизанского края Монтефьорино. Нас встретила, как старых друзей, его жена Норма Барболлини, сестра Джузеппе Барболлини — героя, славного заместителя командира отряда Марио Риччи, носившего боевую кличку Армандо. Норма — одна из самых смелых партизанок провинции Модена. Она была очень опечалена смертью Анатолия Тарасова, вспоминала своего друга партизана Владимира Переладова: «О, это добрый, справедливый и очень смелый человек. Это его русский батальон взял штурмом Монтефьорино. Небольшой городок был очень важным пунктом в стратегическом отношении. Он находился на пересечении шоссейных дорог, по которым нацисты посылали на фронт своих солдат и технику. Нам необходимо было перерезать эту дорогу и захватить город. Четыре дня длилась осада средневекового замка на скале...» Все это рассказывает нам Норма, пока мы едем красивой дорогой, вьющейся над рекой. А уже в Москве сам Владимир Переладов, побывавший в мастерской у Н. Н. Жукова, дополнил ее рассказ:

— Я приказал своим лучшим снайперам обстреливать каждую бойницу, каждое окно, каждую щелочку. Они по сигналу одновременно открывали огонь. И тогда оба наши отряда пошли на штурм с приставными лестницами. Смешавшись в едином броске, бойцы наших отрядов ворвались во двор замка. Фашисты, услышав грозное партизанское «аванти!», звучавшее вперемежку с русским «ура!», сдались. Над старой крепостью Рокка взвился трехцветный флаг Италии. Три месяца существовала партизанская республика Монтефьорино. Здесь расположились наш штаб, госпиталь, мастерская, пекарня.

...Мы идем по узким булыжным улочкам мимо старинных домов, поднимаясь к мрачному замку. Норма и Антонио Джиованини, боец итальянского отряда, что-то горячо, взволнованно говорят, потом останавливаются у обрыва и долго молча смотрят вдаль.

Прервав молчание, Антонио говорит:

— Да, здесь были большие партизанские битвы, но воевали не только партизаны, воевало все население этих мест, без его помощи нам было бы трудно. Вот на той стороне реки мы показали вам мельницу и ее хозяина. Все время, пока шла борьба, он снабжал наш отряд мукой. А сколько семей прятали наших раненых бойцов и выхаживали их!

Недалеко от мельницы фашисты сожгли дотла всю деревню, а ее жителей расстреляли за помощь партизанам. В 1969 году Ассоциация партизан Италии поставила здесь памятник.

Нам, русским людям, пережившим ужасы войны, были понятны чувства итальянских друзей.

В знак глубокого уважения к ним — антифашистам, борцам-интернационалистам — советский художник Н. Н. Жуков создал галерею портретов оставшихся в живых итальянских героев-партизан. Работу над этой темой Николай Николаевич продолжает и теперь в Москве. Начатую тогда в Италии галерею уже пополнили портреты советских воинов, принимавших участие в битве на холмах Реджо Эмилии.

ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ И БРАТСТВА НАРОДОВ

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕГИШЕ ЧАРЕНЦА

Поэзия Егише Чаренца, все его творческое наследие — одно из выдающихся явлений во всей многовековой истории армянской литературы. Рожденная Великой Октябрьской революцией, она предстает перед нами как подлинно новаторская поэзия, как качественно новый, более высокий этап развития национальной литературы, литературы социалистического реализма.

Творчество поэта насквозь пронизано, озарено великими идеями Октября. Чаренц с радостью принимает революцию, становится одним из ее активных борцов, вступает в ряды большевиков не только потому, что своим прозорливым умом постигает ее суть и благородную для людей труда миссию, но и потому, что только в победе Октября он видел единственный путь к спасению родного народа.

В 1918—1920 годах Чаренц, находясь в гуще революционных масс, в рядах тех, кто защищал завоевания революции, с огромным пафосом и вдохновением пишет поэмы, баллады, агитационные стихи-призывы, названные им «радиопоэмами», эпические повествования, в которых с романтической приподнятостью воспевает наступление новой эры, могучую, непобедимую силу пробудившегося народа, призывает к братской солидарности трудящихся всех народов, к борьбе против врагов революции. «Недаром,— пишет Н. С. Тихонов в своих воспоминаниях о поэте,— ему был так близок наш общий великий трибун советской поэзии — Владимир Маяковский. Чаренц выглядел его братом по темам, по пафосу, по стиху, как бы созданному для площадей и улиц, полных революционных толп». Поэмы «Неистовые толпы», «Песнь о народе», «В грядущее», «Всепоэма», написанные в те годы, остаются в армянской литературе и поныне непревзойденными произведениями о величайших исторических событиях, лучшими образцами политической поэзии первых лет революции.

Придавая большое значение агитационной, воспитательной роли поэзии, Чаренц постоянно искал и находил формы понятные, доступные народу. Его произведения адресованы многомиллионным массам, созданы для них.

Наряду с темами революции и народа центральное место в творчестве Чаренца занимают стихи и поэмы, посвященные В. И. Ленину.

...С Лениным меня не разлучить,
Как с лирою расстаться не
заставить,—

писал он в одном из стихотворений и до конца своей жизни остался верным этой клятве. В образе Ленина в произведениях Чаренца воплощено единство партии большевиков и народа, идея пролетарского интернационализма и всемирного значения социалистической революции. Ленин показан как вождь всемирного пролетариата, как самый близкий и дорогой народу человек. И в произведениях о Ленине — глубоких по содержанию и совершенных по форме — Чаренц шел в одном ряду с Маяковским.

Творческий диапазон Чаренца очень широк. Он был не только большим мастером эпического жанра, создал не только замечательные сюжетные поэмы, ставшие художественной летописью времени, но и лирические стихи, философские рубаи, стихотворные раздумья об искусстве, блестящие критические и полемические статьи. Он был талантливейшим сатириком, написал сатирический роман «Страна Наири», политические памфлеты и эпиграммы, в которых едко высмеивал и разоблачал врагов революции.

Исключительно велико значение творчества Егише Чаренца в становлении и развитии советской армянской литературы. Вместе с Акопом Акопяном и Наири Заряном он создал твердую основу социалистического реализма в родной литературе.

И каждым нервом привяжись
К эпохе, к веку, к нашим дням,
Люби всегда живую жизнь
И лире сам не изменяй,—

учил он своих братьев по перу.

Поэт ушел из жизни в самом расцвете таланта, не допев свою песню. Но его творческое наследие навсегда вошло в историю единой многонациональной советской литературы как одна из самых блестящих и ценных ее страниц. Чаренц своими произведениями и сегодня в строю с нами, он и сегодня строит с нами великое будущее советского народа — коммунизм.

Г. МАНАСЯН

Водитель мощного грузовика комсомолка Сапура Джуматулова.

В. НИКОЛАЕВ

Фото автора.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

КАРАКАЛПАКСКАЯ АССР

БЕЗОБЛА

НА ЗЕМЛЕ И В НЕБЕСАХ

Читатели «Огонька», наверное, уже привыкли к появившейся в этом году в журнале новой рубрике «Союзу ССР — 50 лет». И, наверное, они привыкли к тому, что материалы, помещаемые под этой рубрикой, обычно начинаются со старой фотографии. Естественно, что мне тоже не хотелось отходить от уже наметившейся традиции и начать рассказ о сегодняшнем дне Каракалпакской автономной республики с какой-нибудь фотографии пятидесятилетней давности. Но я не смог найти ее даже в краеведческом музее в Нукусе — столице республики. Столь глухим и заброшенным был тогда этот край, что даже не сохранилось о тех днях фотосвидетельств. Зато история знает немало печальных цифр о тех временах. Вот только одна из них: из каждой тысячи каракалпаков только двое умели читать и писать.

Нечего и говорить, что сегодня это республика сплошной грамотности. На 50-м году существования Союза ССР не удивишь уже и тем, что по количеству студентов и специалистов с высшим и средним образованием на десять тысяч человек республика опередила такие, например, страны, как Франция и Италия. Но я, честно говоря, удивился, узнав, что за восьмую пятилетку летчики республики перевезли более 1 миллиона 700 тысяч пассажиров! При этом надо учесть, что население ее едва перевалило за семьсот тысяч, и к тому же «Аэрофлот» здесь далеко не единственное средство передвижения: удивительно ровная земля этих мест из конца в конец исчерчена отличными асфальтированными шоссейными дорогами. Можно еще добавить, что местные летчики за минувшую пятилетку обработали 2 миллиона 640 тысяч гектаров сельскохозяйственных культур. А одним из самых прославленных тружеников республики является врач санитарной авиации, Герой Социалистического Труда У. Халмуратов. Да, за полвека в корне изменилась жизнь не только на земле Каракалпакии, но и в ее почти всегда безоблачном небе.

КАРТЫ НЕ ВРУТ, НО...

Составлять представление о далеких краях по географическим картам — рискованное занятие. Наверное, те, кто не бывал в Каракалпакии, при разговоре об этих землях сразу вспоминают Каракумы и Кызылкум. Что ж, верно! На стыке этих двух величайших пустынь нашей страны и находится республика. Географические карты не врут, но Каракалпакия на ощупь — это совсем не то, что на географической карте. Даже в пустыне. Во-первых, и там властвует не стихия, а человек и его труд. Там прокаленные солнцем и задубленные ветрами чабаны пасут тысячи овец. Там по проложенным через пустыню дорогам движутся в разные стороны люди и грузы. Там, в недрах каменистого плато Устюрт, от-

Тахиаташская ГРЭС, энергетическое сердце республики.

В ожидании весенней воды. Долина Амударьи у Турткуля.

ЧНЫЙ КРАЙ

важные и непоседливые люди нашли огромные запасы природного газа и нефти, и на последних географических картах появилась новая точка: Комсомольск-на-Устюрте. И там же, на Устюрте, строители-землепроходцы тянут через пустыню четвертую нитку газопровода Бухара — Урал.

А на какой географической карте увидишь уходящий за горизонт сад?! Белоснежный, розовый, даже чуть голубоватый в пору цветения. Тянется он почти на двадцать километров. Это сад совхоза «Коммунизм». Яблоки (розмарин, белый ранет, зимний золотой), груши, сливы, вишни, айва, абрикосы... А каракалпакские дыни по праву считаются самыми вкусными в мире.

А вот тоже Каракалпакия. Дикая, первозданная природа. Запутанный лабиринт протоков, заводей, озер и болот. Непроходимые тростниковые заросли. Птичье царство: гуси, утки, кулики, цапли, пеликаны, лебеди... В чаще — дикие кабаны. Ондатра. Изобилие рыбы. Это дельта Амударьи.

ЛЮДИ И ДЕЙГИШ

Мы дошли до главной героини нашего короткого рассказа — Амударьи. На географической карте вы увидите, что она течет через всю республику — с юга на север. Но опять же карта вам только кое-что покажет, но не расскажет всего. На ней вы увидите Амударью этого года. Да, именно только этого, а не какого-нибудь другого, потому что она очень своенравная и капризная. На земле республики можно без труда отыскать ее бывшие русла, по которым она когда-то несла свои воды. Веками люди пытались укротить буйную Амударью. Но безуспешно. Она металась из стороны в сторону, смывая с лица земли города и селения.

Берега реки сложены из древних песчаных пород. Они рыхлые, вода легко размывает их. И временами Амударья за две-три недели «слизывает» до полукилометра береговой полосы. Это — бедствие. Называется оно дейгиш. До самого последнего времени с ним бороться было очень трудно. Так, тридцать с лишним лет назад река расправилась с одним из крупнейших городов республики, Турткулем. Сейчас такой город есть, но стоит он на новом месте.

Капризен и водный режим реки. Два года назад, ранней весной, река неожиданно и катастрофически быстро вышла из берегов и затопила город Бируни. О той, полной драматизма весне мне красочно рассказывал секретарь райкома партии Олег Подсевалов, когда он с гордостью водил меня по улицам уже восстановленного Бируни.

Однако нельзя же вот так, раз от разу, строить новый Турткуль, восстанавливать Бируни...

Да, нельзя! Но только сегодня мы можем сказать, что своенравию Амударьи приходит конец. И не потому, что люди, вооруженные современной техникой, стали создавать защитные дамбы в 4—7 метров высотой и до 40 метров шириной у основания. Правда, и с такими преградами вступает в единоборство река. Но дни ее своеволия сочтены: растет неподалеку от Нукуса гигантский Тахиаташский гидроузел. Здесь главный плацдарм наступления на Амударью — щитовая плотина в полкилометра длиной. Монолитный бетон встает на пути воды. Река будет, наконец, нести свои воды так, как это нужно людям. Река теперь будет отдавать полям свою воду тогда, когда это нужно.

А это значит, что республика станет еще богаче. Ведь главное ее достояние — хлопок, это белое дитя воды и солнца. Сейчас республика дает Родине более 300 тысяч тонн хлопка в год. После окончательного покорения Амударьи Каракалпакия будет ежегодно собирать по 600—650 тысяч тонн хлопка!

Колхоз имени Ленина. Ветеран Великой Отечественной войны Еримбет Хушаниязов у памятника-мемориала односельчанам, погибшим в 1941—1945 годах.

Им еще предстоит праздновать и столетие Союза ССР и столетие своей родной республики. Детский сад в городе Бируни.

БРАТЬЯ

Рядом со строящимся гидроузлом бьется энергетическое сердце республики — Тахиаташская ГРЭС. Ее первый агрегат заработал десять лет назад. С тех пор выработка электроэнергии возросла в 22 раза. Куда бежит она по проводам? Разумеется, расходится по Каракалпакии, идет также в Хорезмскую область Узбекистана и в Ташаузскую область Туркмении. Кто вместе с каракалпакскими тружениками помогает энергетическому центру наращивать свою мощность? Ленинград и Киев, Брянск и Барнаул, чехословацкий город Брно...

Это — братство. Кровное. В труде, в радости, в беде...

Председатель колхоза имени Ленина Шамурат Матниязов познакомил меня со своим крепким хозяйством, а потом привел на центральную площадь колхозного поселка к памятнику погибшим в Великую Отечественную войну односельчанам. Сделанный на средства колхозников, этот мемориал поражает, берет за самое сердце и своей масштабностью и высоким художественным мастерством его создателей. В центре мемориала на мраморной плите навечно выбиты десятки имен. Люди многих национальностей...

Один из вечеров я провел в доме известного каракалпакского писателя Жолмурзы Аймурзаева. И здесь снова с необычайной силой ощутил, как прочно и глубоко вошли в нашу жизнь ленинские идеи дружбы народов. Оказалось, что у Аймурзаева большая семья — восемнадцать человек. Из них семеро — его сыновья и дочери. Стали уже взрослыми, начали обзаводиться собственными семьями. И вот разросся дом Аймурзаевых. Сейчас под его крышей живут родные люди шести национальностей!..

СЛУЧАЙ В ЛИВНАХ

Дмитрий ХОЛЕНДРО

РАССКАЗ

Рисунок В. ЮДИНА.

В Ливны Нефедов приехал уже поздней ночью. Пришлось устраиваться в железнодорожной гостинице, пахнущей щами, потому что внизу была столовая и кухня, круглосуточно державшая весь домик под своими парами. Проснувшись чуть свет, Нефедов вспомнил, что не отметил в совхозе командировочное удостоверение. Прибытие-то было зафиксировано, а вот отъезд...

— Ах, черт! — сказал он.

Возвращаться в совхоз, за восемьдесят километров, по дороге, где не вздохнешь от жары и пыли, значило опоздать на поезд домой, проходивший через Ливны раз в сутки. Автобус в совхоз пылил не часто. Ловить попутную? Если бы легковую, да что-то он не встречал их на той дороге. Звонить директору? Но тот, конечно, не пришлет своей легковушки, потому что Нефедов разругался с ним из-за варварского отношения к технике, после чего совхоз еще, видите ли, предъявлял рекламацию. Техника была свеклоуборочная. Нефедов работал на заводе, выпускавшем эту технику, гордость полей...

— Ах, черт возьми! — повторил сквозь зубы Нефедов и разбудил этим соседа.

Сосед спал смешно, натянув на голову простыню и выше колен высунув наружу голые черноволосые ноги.

— Проспал?

— Нет.

— А чего?

— Поздно спохватился.

— Я и говорю, проспал,— хохотнул сосед.— А чего проспал-то?

Нефедов махнул рукой и натянул штаны.

Уже было душно, духота не развеялась за за ночь, стоял конец августа, и Нефедов подумал, что правильно сделал, выйдя из гостиницы без пиджака, а только взяв из бумажника свое командировочное удостоверение. В райисполкоме, куда он собирался зайти с просьбой поставить, где надо, число (убыл), подпись и печать, его знали. Он был там три дня назад.

Привокзальные площади везде начинают жить рано. От столовки толстая женщина катила на перрон мармитку с пирожками. Старик в морском кителе поливал из шипящей кишки единственную клумбу. В киоске Нефедов купил газету и вдруг обнаружил, что сегодня воскресенье.

— У, черт!

В райисполкоме в воскресенье никого нет. Можно было послать удостоверение в совхоз по почте. Но Нефедов был аккуратист и не мог простить себе забывчивости, неаккуратности. Потом вдруг потеряется. А двадцать рублей... Может, даже чуть больше. Жалко. Пропадут ни за что ни про что.

Досадуя, он побрел по центральной (и единственной) асфальтированной улице Ливен, от которой убегали закоулки — в одну сторону к скошенному полю, где, махая хвостами, тянулось стадо, а в другую — к реке, где гортанно кричали гуси.

Пройдя по этому районному проспекту, Нефедов пересчитал замки и ставни на всех учреждениях.

— Тэк-с...

Радость ждала Нефедова в самом конце проспекта. Там, за железной оградой, за травой, среди которой была вытоптанная волейбольная площадка, краснело здание школы, и в открытом окне нижнего этажа Нефедов увидел крупную женскую голову, обвитую толстенной косой.

В коридорах школы скребли полы, мыли стены, крашенные скучноватой масляной краской, и Нефедов принял людей, одетых в простое и грязное, в основном тоже женщин, за ремонтных рабочих. Но та самая женщина, которую он увидел в окне, оказавшаяся директором, с улыбкой сказала, что это родители, энтузиасты, готовили школу к приему учеников.

Директриса объяснила:

— Родители посвятили этому воскресенье. В будни все заняты.

— Похвально,— заметил Нефедов, приглядываясь к ней и убеждаясь, что у нее и правда все было крупное: и коса, и щеки, и даже уши...

— Вы насчет приема? — спросила она.

— Да нет,— ответил Нефедов,— тут такое недоразумение...

Женщина была перед ним добродушная, просто добрая на вид, и он рассказал, в чем дело, и попросил сделать ему отметку. Вот, еще не убыл из Ливен, но убывает на первом поезде. Чья подпись и печать, для бухгалтера все равно. Был здесь — без обмана.

— Удостоверьте факт. Печать у вас есть?

Женщина посмотрела на него, как на несмышленого ученика, и покачала головой.

— Печать-то у меня, конечно, есть, но поставить ее вам, простите, я не поставлю. Не могу.

— Но почему же? — искренне удивился Нефедов.— Вот он я... Сижу в Ливнах. Упустил за делом такой пустяк в совхозе, как эта самая отметка. Помогите рассеянному человеку.

— Вы не рассеянный человек,— сказала директриса,— а странный. Печать!

Нефедов сохранял на лице ласковую улыбку.

— Вы такая молодая женщина, и уже директор! Такая приятная женщина и такая строгая.

Он бил на человечность.

— Может, я потому и директор, что строгая,— вразумила она.

— Но ведь это бесспорный факт, что я здесь,— не сдавался Нефедов, сдерживая себя, чтобы не вспыхнуть, и помня, что это обыкновенно всегда его губило.— Был в совхозе, это отмечено. Сегодня уезжаю. Сейчас... Через два часа. Больше вам удостоверять нечего, а вы отказываете... Почему?

— Потому что вы приехали не по нашей линии,— сказала директриса.— Если бы по нашей...

И когда Нефедов услышал эти непреклонные слова, он поднялся и пробормотал:

— Человек человеку брат.

Директриса выпрямилась и гневно выпалила:

— Не бросайтесь принципиальными словами!

На улице он крепко почесал себе темя и почувствовал голод. Ужин вчера был очень ранний, торопливый, еще в совхозе, а сегодня только нюхал, как пахнет щами.

Дорогу переходили рыбаки — отец с босоногим мальчиком. Оба в подвернутых штанах, оба несли удочки и мелкую рыбешку, каждый отдельно, чтобы похвалиться дома собственным уловом. С горя Нефедов остановил их и стал расспрашивать, какое учреждение открыто в воскресенье в районном центре. Он заставил долговязого отца закурить и задуматься, после чего с паузой сказать:

— Кинотеатр. И церковь.

— А дядя Костя на работе сидит,— прибавил малец.— Я сейчас видел.

— Это наш военком,— объяснил отец, и они поспешно понесли рыбешку дальше, пока не протухла.

Жара расплывалась.

В кинотеатр Нефедов идти побоялся, а в военкомат завернул.

Дядя Костя, военком, был рыжий, как само солнце над Ливнами, и сидел в майке на стуле у подоконника перед шахматной доской. Один. На лбу его обозначались выпуклые складки. Похоже, он решал шахматную задачу, и, похоже, не получалось. Он смотрел на доску и изредка постукивал себя по лбу кулаком.

Нефедов помедлил. Рыжие, которых он встречал в жизни, бывали либо очень злые, либо очень добрые. Люди крайностей. А тут еще шахматная задача... Но дядя Костя уже смотрел на него маленькими глазами в коротких и густых ресницах, понятно, рыжих.

— Кто такой?

— Командировочный,— ответил Нефедов.

— Зачем? Короче.

Нефедов стал рассказывать о своей беде, торопясь, путаясь от этого и не зная, вспомнить ли недобрым словом школьную директрису или умолчать, чтобы не было дурного примера, но дядя Костя решительно перебил его:

— Чего долго говорить?

Из почти пустой комнаты, где, наверное, собираются в ожидании новобранцы, он завел Нефедова в свой кабинетик и достал из письменного стола белый захватанный пальцами мешочек с печатью. Дядя Костя расторопно пользовался ключами, когда открывал и дверь и ящик.

— Куда бить?

Нефедов показал и, пока дядя Костя расписывался и дышал на печать, не удержался, вставил словечко о школьной директрисе.

— А! — сказал дядя Костя.— Сами жалуемся на бюрократизм, сами разводим.— И хлопнул печатью по его бумажке.

— Спасибо вам огромное.

— В шахматишки не играешь? Что-то кореш задерживается.

— Спешу. Позавтракать, поезд... Да и партнер я слабый...

— Ну, давай! Это тебе повезло. Сказал жене, срочные дела. А сам, видишь... Дома не дает. Сиди около нее, как будто вчера женились. Разговаривай. А о чем? Сама не разговаривает, а я говори... Ты о чем с женой говоришь? А, брат, то-то! Ну, давай, давай!

Счастливый Нефедов не пошел, а побежал на запах щей, что-то напевая, взлетел по узенькой лестнице в свой номер, на второй этаж, открыл визгливую дверцу шкафа и не обнаружил в нем ни своего старенького портфеля с туалетным набором и сменой белья, ни пиджака. Того пиджака, в котором были паспорт, заводской пропуск, фотография трехлетнего сына Женьки и деньги тоже, целковых пятнадцать, на билет, на завтрак... Он придирчиво обшарил номер глазами.

Не было пиджака, не было и соседа, который любопытствовал, почему он проспал. Чувство невероятной беззащитности охватило Нефедова. При нем остались отмеченное командировочное удостоверение, четыре сигареты в пачке, шесть спичек в коробке и две копейки в кармане со дня отъезда в командировку, когда он разменял гривенник, чтобы позвонить жене с вокзала, да не успел... Все это он вынул из карманов на стол, посмотрел, сел и вы-

пил стакан воды из гостиничного графина. Вот это уж да так да...

Такого с ним еще не случалось.

И все виноват директор совхоза! Если бы не поругался с ним, то поставил бы печать на командировочном (убыл) в совхозе, и уже давно позавтракал, и курил свою сигарету, прогуливаясь по симпатичным Ливнам в ожидании поезда. И директриса школы виновата! Согласись она поставить печать вместо нравоучений, не заходил бы в военкомат, вернулся раньше и застал бы свой пиджак на месте. Так нет, одно за другим!

Все это пронеслось в голове Нефедова уже тогда, когда он сбегал по лестнице к дежурной, чтобы поднять крик. Больше всего Нефедов не терпел людской непорядочности. Его ранило невнимание, хамство, а тут... Но крика он не поднял. Он сказал дежурной, как виноватый:

— Простите, у меня украли пиджак.

Тощая девица в старательно сделанных кудряшках подняла на него вытаращенные глаза.

— Из какого номера?

— Из тринадцатого. Несчастливое число.

— Кто с вами жил?

— Я его не знаю. Молодой. Курносый...

— Курносый — это не фамилия,— сказала девица и принялась громко щелкать страницами регистрационного журнала.

И тут выяснилось, что в тринадцатом, кроме Нефедова, никто не записан. Девица смотрела на него все теми же распахнутыми от ужаса, застывшими глазами. А может, у нее всегда были такие глаза, не от ужаса, а от рождения.

— Вот, смотрите сами.

Нефедов не стал смотреть в журнал, но впервые вскрикнул:

— Не я же у себя украл пиджак!

— Я вам верю, но не записано.

— Значит, пустили его без записи. Пускаете неизвестных людей, а они пиджаки крадут!

— Я никого не пускаю,— обиделась девица.— Вчера не я дежурила. Вчерашняя смена сменилась.

Директор гостиницы, выслушав рассказ о происшествии, сразу вспотел от страшного волнения, вынул платок, вытер лысину и высморкался, а потом уж этого платка не прятал. Все вытирался и кашлял горлом, не открывая рта. Однако первая его фраза ошеломила Нефедова:

— Без пиджака на улицу пошли! Безобразие!

— Но вы, простите, тоже без пиджака,— жалобно сказал Нефедов, сделав жест в сторону директорского живота, обтянутого трикотажной тенниской с короткими рукавами.

— Мой пиджак дома висит,— непримиримо ответил директор.— Там его не украдут.

— А в командировке вы без пиджака не ходите? — добивался Нефедов, как будто это сейчас было важно.

— Я по командировкам не разъезжаю.

— Зато пускаете в гостиницу людей без документов и не записываете.

Директор снова вытер лысину платком, вдруг смягчился и сказал:

— Бывает... Вот вы сейчас тоже без документов. Приедете куда-нибудь на ночь, станете умолять...

И тогда Нефедов вспомнил о своем бедственном положении и попросил вызвать милицию. Девушка с испуганными глазами поставила телефон на барьер, за которым сидела. Директор безнадежно сказал:

— Звоните...

Нефедов набрал номер, подсказанный кем-то, потому что их уже окружили любопытные, и услышал высокий голос, ну прямо-таки дискант:

— Сержант Докторенко слушает!

Докторенко оказался низеньким и круглым, как шар, на коротких кривых ногах. Явившись в полной форме с планшетом на боку, он попросил Нефедова подняться вместе с ним в номер и сначала написал протокол осмотра, указав, что номер имеет одностворчатую дверь с врезным замком, две кровати, обе помятые...

— Значит, в обеих спали! — вскрикнул Нефедов.

— Не мешайте, товарищ,— попросил сержант.— Один человек тоже может на двух кроватях спать по очереди...

...шкаф, который пуст, круглый столик со скатертью, пепельницей и графином и еще что-то. Дежурная, один из любопытных в роли понятых и сам Нефедов подписали, что все правильно.

Потом Докторенко попросил всех выйти и стал заполнять другой протокол, в котором сначала записал адрес Нефедова и что он живет с женой Верой Семеновной, сыном Женькой и бабушкой.

— Бабушка ваша или внука? — спросил сержант Докторенко.

— Моя.

Он почему-то не поверил.

— Ваша бабушка или мама?

— Бабушка! — крикнул Нефедов, уже выходя из себя.— Моя бабушка! Мама моей мамы!

— Значит, еще живет? — обрадовался сержант Докторенко, будто узнал о доброй знакомой.— Ясно.

— Скажите, а какое это имеет значение? — процедил сквозь зубы Нефедов.

— Разное,— невозмутимо ответил сержант.

— Для чего вам моя бабушка?

— Указание сверху,— сказал сержант, перекладывая страницу протокола и показывая большим пальцем на потолок.— С тысяча девятьсот шестидесятого года приказано записывать всех родственников. Разные бывают дела.

— Пока вы записываете,— застонал Нефедов,— вор сбежит за тридевять земель. Может, он сейчас на базаре? Может, в столовой сидит?

Сержант Докторенко улыбнулся, подождал, пока перекипит пострадавший.

— Вы нервный человек, я заметил,— похвалился он своей наблюдательностью.— Преступник не дурак, чтобы с вашим пиджаком в столовой сидеть или сразу мотать на базар. Ну, зачем ему базар, когда в вашем пиджаке, как вы говорите, были наличные деньги? Преступник, если хотите знать, самый умный человек.— Тут сержант Докторенко спохватился, что сказал что-то вроде не то, и добавил:— В своем деле, конечно. Успокойтесь.

И Нефедов понял, что в этом деле самый глупый — он, глупее преступника и, уж само собой, сержанта Докторенко. А тот со слов Нефедова уже излагал обстоятельства происшествия и спрашивал:

— Украли один пиджак?

— Нет. Еще портфель с полотенцем и всяким барахлом, но это неважно.

Докторенко поднял на Нефедова подозрительные глаза.

— Кому неважно?

— Мне неважно,— снова вспылил Нефедов.— Старый портфель с барахлом. Черт с ним! Мне пиджак нужен!

Сержант Докторенко хмыкнул, точнее, пискнул:

— Во-первых, нам все важно. Портфель — примета. Во-вторых, почему сами отказываетесь от того, что у вас украли? Подозрительно.

Нефедов замолчал и приготовился отвечать только на вопросы.

— Опишите ваш портфель и все, что было внутри.

Описали. Сержант взял третий лист.

— Давайте приметы.

— Вора?

— Соседа. Вором его еще назвать нельзя. Не доказали. Сейчас гуманизм.

— Курносый,— вздохнув, устало сказал Нефедов.

— В Ливнах половина курносых,— проворчал сержант Докторенко.— Посмотрите на меня. Еще что-нибудь. Как одет?

— Да он голый лежал! Под простыней. Я его и не видел толком. Ноги черноволосые.

— Ясно,— сказал сержант, но записывать про ноги не стал, а вздохнул.— Надо бы пиджак надевать, товарищ Нефедов, когда на улицу шагаешь. Себе и другим спокойнее.

Нефедов не стал с ним спорить, как с директором гостиницы, а только развел руками.

— Я уехать хочу.

— Найдем пиджак — уедете.

— А если не найдете?

Сержант Докторенко встал и развел руками.

— Посидите часа два-три. Я займусь.

Нефедов хотел пожаловаться, что он не зав-

тракал, что у него всего две копейки, но постеснялся. В слове «займусь» ему послышалась надежда, и он проникся к сержанту благодарностью. Он даже забыл про свой поезд.

...Поезд уже пропыхтел, помаячил за окном и покинул Ливны, когда вернулся сержант Докторенко без пиджака и без утешений.

— Поезд,— в отчаянии обронил Нефедов,— ушел.

— Утром ушел харьковский,— сказал Докторенко.— Моя версия: ваш пиджак с ним и уехал. Были бы приметы посерьезней, послали бы вдогонку на розыск, а то... курносый! Посмотрите на меня...

— Товарищ сержант!— взревел Нефедов, чуть не рыдая.— Я голодный, вы понимаете? Я с утра не ел! Маковой росинки... А уже скоро...

Докторенко посмотрел на свои часы.

— Голодный — это ерунда. Пойдемте ко мне и пообедаем. Пообедал — и не голодный! Ясно?

— Нет,— сказал Нефедов.

— У меня жена мастерица пирожки печь. С картошкой, с рыбой, с луком. Ммм! Во всех Ливнах другой такой нет.

Это было наглядно видно по самому сержанту. Но теперь Нефедов проникся к нему мстительной ненавистью и упрямо повторил:

— Нет! Я хочу домой. Отправьте меня как-нибудь. Вы милиция! Что же, мне тут зимовать? Черт возьми! Меня обокрали, и я же...

— Да, положение,— подтвердил Докторенко.— Денег нет, документов нет...

— Вот командировочное удостоверение!

— А может, это и не ваше удостоверение?

Нефедов обомлел.

— Что же, я ходил отмечать в военкомат чужое удостоверение? Специально, чтобы у меня тем временем пиджак украли?

— А почему в военкомат? Подозрительно,— сказал Докторенко, выпучив глаза.

— Но я же вам рассказывал...

— Вы рассказывали, а я обо всем должен думать. Соображать.

— Товарищ сержант!— прошептал Нефедов, чувствуя, что не выдержит, заплачет, но тут сумрачный сержант стал еще мрачнее и обиженно пошевелил пухлыми губами:

— Интеллигентный человек, с высшим образованием все же, а шуток не понимаете. Пойдемте. Я жену предупредил.

— Нет,— упорствовал Нефедов.— Спасибо, товарищ сержант. Мне неудобно.

— Я гостеприимно.

— Отправьте меня автобусом до областного города. Оттуда доберусь... Выручат. Посадите в автобус. Власть вы или не власть хоть в воскресенье?

— Власть-то власть,— пробормотал конфузливо сержант Докторенко,— а правила такого нет. Арестованного можем бесплатно отправить, а вас нельзя...

— Нельзя?— совсем безнадежно просипел Нефедов.

Докторенко подумал и сказал:

— Попытка не пытка. Айда!

В диспетчерской автобусной станции на скамейке согнулся щуплый солдатик. Сначала Нефедов не обратил на него внимания, не до того было. Сидевший за тремя телефонами диспетчер с длинными и впалыми щеками, с тоскливым лицом, выражавшим ярый протест против воскресного дежурства, любезно поздоровался с сержантом Докторенко за руку, справился о здоровье жены, пирожки которой ему, видно, впрок не шли, и предложил Нефедову сесть на стул.

— Чем могу служить?

— Отправь человека до города,— сказал сержант Докторенко.

— О чем речь!— охотно воскликнул диспетчер, радуя Нефедова.

— Побыстрее,— важно прибавил Докторенко.

— Не проблема!

— Распорядись.

— Сейчас позвоню в кассу, и принесут билет. Давайте деньги.

— Да у него нет их, денег-то,— совсем уже мрачно сказал сержант Докторенко, до сих пор не говоривший об этом, а теперь принявшись до конца растолковывать, что к чему.

Диспетчер неожиданно так громко присвистнул, что даже солдатик за спиной Нефедова сложил газету и поднял голову. А диспетчер отрубил:

— Не может быть и речи. Проблема!

— Речь будет! — угрожающе возразил Докторенко.— На то ты человек, чтобы говорить!

— Смотря что.

— Отправь пострадавшего.

— Не могу.

— Что ж, ему пешком топать?

— Пусть топает. Пусть свои пиджаки не бросает. Пиджаков не напасешься. А если украли, то вы ищите. Старайтесь. При чем тут я? Милиция не нашла, а я отвечай? Нет. Надо было в пиджачке гулять-то,— закончил он, повернувшись к Нефедову.

Нефедов сидел, прикрыв глаза и проклиная себя за то, что не вспомнил о командировочной отметке дома или хотя бы в поезде.

— Послушайте,— начал он, не открывая глаз.

— Молчи!

Это хриплым басом сказал солдатик. Он подошел к столу диспетчера и долго смотрел на него, сощурясь, как будто целился. Лицо у него было сильно загорелое, юное, но злое. Белый выгоревший хохолок тоже вызывающе торчал над головой. В руках он мял пилотку.

— Сидишь тут! Для чего сидишь, если отвечать боишься? Если ничего не можешь? А! Тебя агитировать!

Солдатик поднял на диспетчера довольно крепкий крестьянский кулак.

— Не надо!— испугался Нефедов.

— Надо,— сказал солдатик.— Да сам автобуса жду. Слушай, друг, брось их, вот тебе.— Солдатик опустил кулак и вытащил из кармана гимнастерки блокнот, заменявший ему бумажник, разыскал между слипшимися страницами десятку и протянул Нефедову.— Запиши адрес. Тогда пришлешь.

Диспетчер услужливо подсунул Нефедову лист бумаги и карандаш, но тут вмешался маленький сержант Докторенко, налившийся до краев густым красным цветом.

— Нет уж! Бери-ка карандаш и сам пиши! Пиши, что я скажу. Ясно? Я тобой займусь, твоей службой. Я... Я... Ясно? — прозаикался он, наконец.— Пиши!

— Что писать? — спросил диспетчер.

— Справка!— во всю мощь своего звонкого голоса властно продиктовал сержант и заходил по комнате, скрипя то ли пыльными сапогами, то ли жидкими половицами.— Дана гражданину Нефедову... Инициалы!

Нефедов напомнил.

— В том, что приехав в Ливны... Может, вы все же потеряли? Забыли где? Да нет, конечно, свистнули! Стыд, позор-то какой! Ай-яй-яй! — ровно восклицал, словно диктуя, сержант Докторенко.— Это не пиши.

— Ливны? — уныло спросил диспетчер.

— Ливны ставь... У него украли пиджак с документами и деньгами. Написал?

— О чем речь!— сказал диспетчер еще унылей.

Он написал и ждал, а сержант Докторенко еще поскрипел сапогами и половицами, перемещая по ним свое низенькое, но тяжелое тело.

— Дальше?

— Дай подумать... Дана для бесплатного следования в автобусе. Ясно и понятно. Моя подпись действительна?

— Нет,— злорадно сказал диспетчер.

— Ставь свою.

Диспетчер медлил.

— Ну, давай, давай, обе... По соседству.

Они подписались. Солдатик подмигнул Нефедову, и Нефедов первый раз с утра улыбнулся.

— Печать! — скомандовал сержант.

И тут диспетчер прямо возликовал от счастья:

— А печати у меня нет!

Нефедов заволновался и хотел подсказать, что печать есть в райвоенкомате, и еще больше заволновался, подумав, что рыжий военком дядя Костя, наверно, давно наигрался сам с собой в шахматы и ушел разговаривать с женой.

— А что у тебя есть? — растерянно спросил диспетчера Докторенко.

— Штампик.

— Штампуй. Сойдет.

Диспетчер взял со стола прямоугольный штампик и увековечил на справке родное им и злополучное для Нефедова название «Ливны».

Нефедов всем пожал руки, понадежней спрятал справку в карман и спросил, выходя, когда пойдет автобус. Было еще полчаса в запасе. На улице Нефедов набрался храбрости и в присутствии сержанта попросил у солдатика его десятку взаймы, чтобы поесть самому, а главное — угостить их.

Они сели в гостиничной столовой, и закусили, и выпили, раз и другой, за все хорошее. С трудом уложились в десятку. Смущенно и осторожно поднимая рюмку, сержант сказал непонятную для косившихся на него из-за других столов фразу:

— Баб с курями сажать в автобус можно... А это нельзя. Я им займусь.

— В отпуск приезжал? — спросил Нефедов солдатика, перейдя на ты.

— Маму схоронил,— сказал солдатик, упершись глазами в стол, и стало понятно, отчего у него такой хриплый голос. Может, проплакал его до хрипа.

Напоследок помянули незнакомую женщину, мать солдата, и сержант Докторенко пошел провожать солдатика и Нефедова к автобусу, зазывая их в гости. В другой раз. У него жена пирожки печет... В автобусе он вслух прочитал справку шоферу, наказав, чтобы все было в порядке, и, едва тронулись, пассажиры стали расспрашивать Нефедова о происшествии, а он почему-то рассказывал обо всем весело, и автобус смеялся, и все стали вспоминать смешные случаи с кражами и пропажами, а женщины крестьянского вида, в белых косынках по случаю воскресенья, развязывали узелки, рылись в корзинках, угощали Нефедова и солдатика, и они не успевали отказываться от яблок, яиц и пирогов.

Ехали шумно, пока посреди степи автобус не остановила полосатым жезлом бравая девушка, дорожный контролер. Она лихо вспрыгнула на ступеньку, вошла в открытую дверь, оглядела всех, улыбнулась и заломила на затылок форменную фуражечку. Ладное платьице перетянуто кожаным пояском, из-под высоко вскинутого козырька брызгала на глаза соломенная челка.

— Готовьте билетики, дорогие граждане. Ваш билетик... Ваш, бабушка...

— Да тута... Тута вот где-то.. Тута был...

— Ищите, бабушка. Думаете, посреди степи порядка нет? Есть порядок. Не теряйте...

— Ох, вот.

— Ваш билет?

Она дошла до Нефедова и прочитала показанную им справку. Поправила свою красивую фуражку. Качая головой, пропела раздельно и ядовито:

— Ха-ха-ха... Водитель! Липой безбилетников прикрываете? Хабарничаете? Ну-ка, дайте документик какой-никакой, гражданин-товарищ. Нету? Очень удобно, конечно, ездить с такой бумажкой да еще без документов. А не стыдно? А ну, водитель, стоп! Остановите автобус! Останови! Оглох?

Водитель подчинился, и автобус жалобно провизжал тормозами, как побитая собака.

— Вылазьте! — приказала контролерша Нефедову.— Слышите?

У Нефедова не было сил подняться. В автобусе стояла тишина. И в этой тишине солдатик пробасил:

— Видишь, человек даже без пиджака? Обокрали. Его милиционер привел. Курица!

— Я не курица,— пронзительно закричала контролерша,—а...

Но кто она, ей уже не дали досказать. Автобус грохнул, как бомба, и осколками полетели в смазливую контролершу только что такие веселые и добрые, а теперь разъяренные голоса:

— Сочувствие надо иметь!

— Ты не курица, а цыпленок!

— Дали тебе власть, так помогай людям!

— Эх, ты!

— А ну вылазь сама!

— Уши заложило?

— Вылазь!

Как села посреди степи контролерша, так и осталась посреди степи, а бойкий автобус, гомоня женскими голосами, покатил дальше, навстречу близким деревьям и далекому горизонту.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ

З. ЯСМАН,
старший научный сотрудник Государственного исторического музея

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно...»
А. Пушкин.

«Мы должны знать нашу землю всю, до последнего атома».
А. М. Горький.

Всем знакомо здание с кокошниками, затейливым входом, стройными башенками, возвышающееся на главной площади страны, которую народ издавна любовно назвал красивой — Красной. Это Государственный исторический музей — центральный музей истории СССР, наиболее полное в нашей стране хранилище памятников отечественной истории с древнейших времен до наших дней. В этом году ему исполняется 100 лет. Указом Верховного Совета СССР славный юбиляр награжден орденом Ленина.

Мемориальная доска с барельефом М. В. Ломоносова, укрепленная на стене музея, напоминает о том, что здание воздвигнуто на том месте, где некогда стоял открывшийся по инициативе гениального русского ученого первый в России Московский университет...

В 1872 году в Москве открылась Политехническая выставка, которая явилась колыбелью двух крупнейших национальных музеев — Политехнического и Исторического. Исторические отделы выставки, рассказывавшие о бурной эпохе Петра I и героической обороне Севастополя, навели на мысль организовать в Москве постоянный Исторический музей. Программу деятельности музея разработал видный историк профессор К. Н. Бестужев-Рюмин. В устройстве музея приняли участие известные ученые С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. Е. Забелин. Так по инициативе передовой общественности страны, а не решением «сверху» был рожден Исторический музей.

Выдающиеся русские художники В. М. Васнецов, Г. И. Семирадский, И. К. Айвазовский участвовали в оформлении залов музея. Два года упорного труда. И вот наконец завершен украсивший один из археологических залов музея монументально-декоративный фриз В. Васнецова «Каменный век». В. В. Стасов сказал тогда: это лучшее, что создал художник. Впоследствии В. Д. Поленов писал Васнецову: «Впечатление, произведенное на современников «Каменным веком», можно, пожалуй, сравнить только с впечатлением, произведенным когда-то «Помпеей» К. Брюллова. Как ее, так и «Каменный век» сочли новой эрой расцвета русского искусства».

Художественное оформление каждого археологического зала раскрывало особенности стиля и духа определенной исторической эпохи. В оформлении залов Древней Руси оживали мозаичные фрагменты, красочная новгородская живопись, белый резной камень древнерусских соборов. Да и в облике самого здания, сооруженного по проекту архитектора В. О. Шервуда и инженера А. А. Семенова, ощущается влияние русского архитектурного стиля XVI века. Здание начинало строиться на общественные средства.

До 1917 года собрание формировалось преимущественно за счет даров — отдельных предметов и целых коллекций. Так, в музей поступила библиотека ученого-библиофила А. Д. Черткова. Среди дарителей были Археологическое общество, Московский университет, Румянцевский музей, известный коллекционер П. И. Щукин, историк И. Е. Забелин, археолог А. С. Уваров, художники братья Васнецовы...

К 1917 году музейное собрание насчитывало 300 тысяч единиц хранения. Около 4 миллионов предметов — такова ныне национальная сокровищница отечественной истории. К 1917 году открылось лишь 16 залов (до XVI века). Сегодня экспозиция музея охватывает 48 залов и показывает историю общества с древнейших времен до наших дней. В дореволюционный период ежегодно музей посещало 20—40 тысяч посетителей. Сегодня музей и его филиалы посещают за год 2 миллиона человек. Он стал подлинно народным.

В кабинете главного хранителя Государственного исторического музея сотрудник Пушкинского музея-заповедника, приехавший из Михайловского, раскладывает списки: «Вот эти вещи мы просили отложить для передачи нам. К нашему пятидесятилетию хотим расширить экспозицию, помогите». Представители Украинской студии документальных фильмов договариваются о съемке в музее экспонатов по истории науки и просвещения Украины периода феодализма. Представителю Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева для выставки «Русское художественное литье» необходимы на время 11 предметов из Исторического музея...

Снимался кинофильм «Война и мир». Готовится к постановке в Малом театре пьеса «Царь Федор Иоаннович». Выпущены новые ткани, подготовлены новые изящные сувениры. Мода вводит новый покрой платья. Казалось бы, у этих разнородных явлений нет никаких точек соприкосновения. Но загляните в книгу записей посетителей отдела тканей Исторического музея. В графе «Организация» соседствуют киностудия «Мосфильм», Малый театр, комбинат «Красная Роза», фирма «Весна», Дом моделей... Множество консультаций дают научные сотрудники музея художникам и ювелирам, работникам текстильных и фарфоро-фаянсовых предприятий, артистам, художникам и постановщикам театра, кино и телевидения, сотрудникам редакций и издательств. На стажировку сегодня приезжают работники многих краеведческих музеев, а сотрудники музея часто выезжают к ним. Проводятся занятия для поступающих в вузы. На подлинном материале ведут научные сотрудники специальные занятия с группами педагогов из института повышения квалификации учителей.

Экспонаты Исторического музея видят не только в Москве. Перед миллионами зрителей всех возрастов они предстают в кадрах учебно-школьных диафильмов и научно-популярных кинофильмов. А сколько книг и альбомов украсили они в виде иллюстраций! Передвижные выставки музея достигли Дальнего Востока и Заполярья. Материалы из его фондов были на международных выставках «СССР — Англия», «СССР — Швеция», «Советская археология», выставках в Польше, ГДР, Франции, Бельгии, Англии, Индии, Канаде, США. Государственный исторический музей участвует в работе Исполнительного комитета Международного совета музеев при ЮНЕСКО, в его комитетах и международных симпозиумах...

Да, безнадежно устарело представление об оторванности музея от жизни, о его замкнутости и стерильной тишине!

Советский музей — это народный университет, на подлинном материале формирующий научное мировоззрение, воспитывающий высокие патриотические, гражданские чувства и нравственные качества.

В Исторический музей мы приходим детьми, чтобы осознать себя

Лицевой летописный свод — один из 10 томов рукописной, богато иллюстрированной «Всемирной истории». Вторая половина XVI века.

Кольчуга русского воина, найденная на Куликовом поле. XIV век.

Флаг первого в мире атомного ледокола «Ленин».

Часть мачты броненосца «Потемкин».

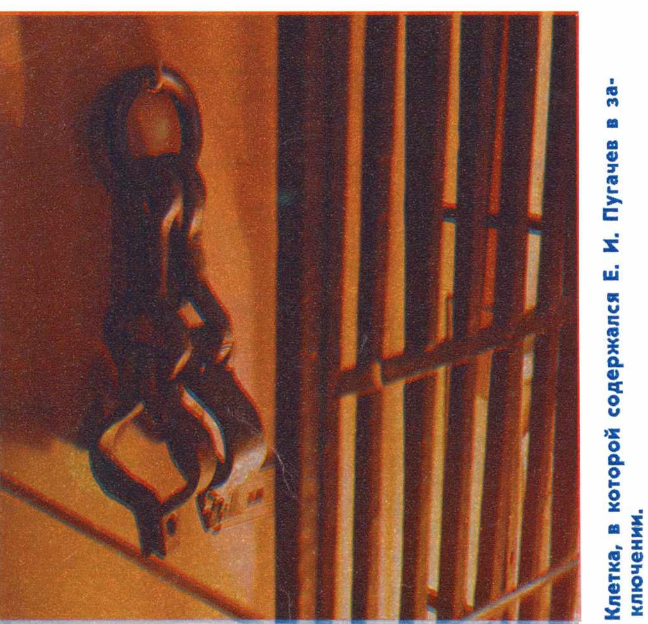
Межпланетная автоматическая станция «Луна-3», впервые сфотографировавшая обратную сторону Луны.

Палаш воеводы М. В. Скопина-Шуйского и парадная сабля князя Д. М. Пожарского, пожалованная ему за освобождение Москвы от интервентов. Начало XVII века.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Здание Государственного Исторического музея.

Клетка, в которой содержался Е. И. Пугачев в заключении.

Кожанка красногвардейца П. Говарда, участника борьбы за установление Советской власти в Херсоне и Николаеве.

Кайма шали ручной работы, сделанной крепостными мастерицами. Первая половина XIX века.

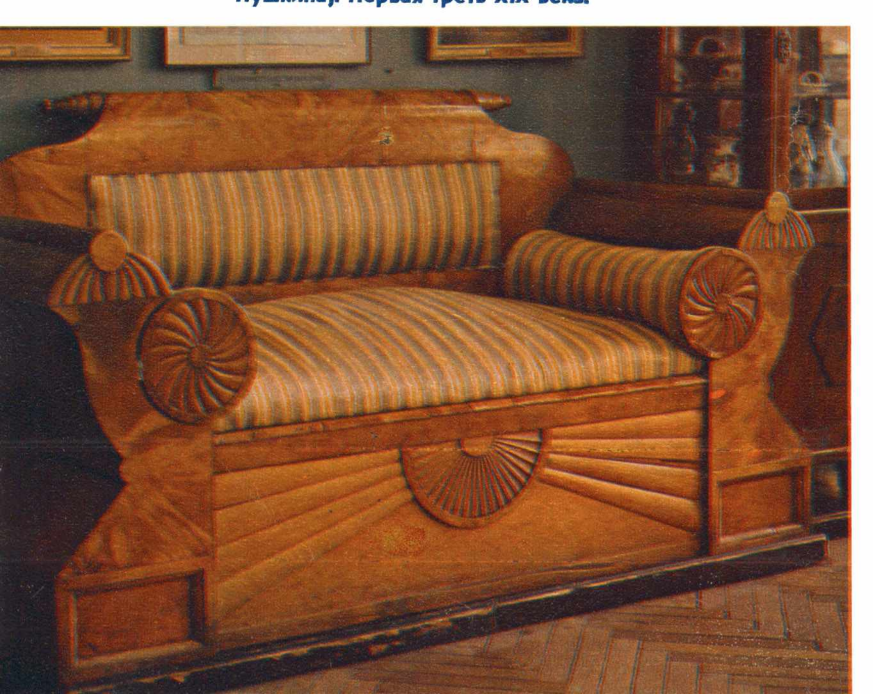
Образец советского фарфора — тарелка «III Интернационал». Художник А. Голенкина. ГФЗ. 1922 год.

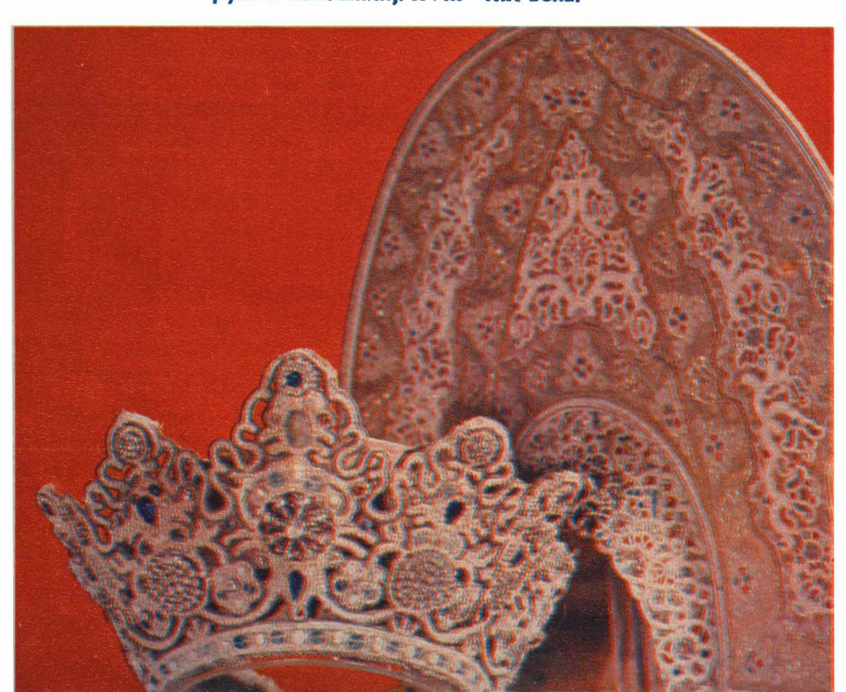
Квасник. Гжельская майолика. Конец XVIII века.

Вход в зал «Отечественная война 1812 года».

Диван из гостиной дома Гончаровых (родных жены А. С. Пушкина). Первая треть XIX века.

Праздничные головные уборы русских крестьянок (коруна и кокошник). XVIII—XIX века.

гражданами. Приходим взрослыми — глубже осмыслить судьбы народа, его трудовые, революционные и ратные подвиги.

Тишина музейных залов обманчива: в каждом из них дыхание своего времени, людские думы и речи, чаяния и деяния. И каждый остро осознает здесь, что его биография начинается не с даты его рождения, что ей предшествуют жизнь, труд и борьба наших предков.

Школьник Онфим из древнего Великого Новгорода вырезал буквы и незатейливые рисунки на листах берестяной ученической тетради. Сильные крестьянские руки направляли соху, вспахивая просторы русских равнин. Искусные ремесленники создавали чудо-изделия из ткани, дерева, металла, камня, кости, глины. Ныне вещи покоятся в витринах, но кто из нас взирает на них спокойно и бесстрастно?

Высокая железная клетка — в нее заключили Пугачева после разгрома крестьянской войны. Записная книжка адмирала В. А. Корнилова, которую он вел в период обороны Севастополя. Диван карельской березы, на котором, вероятно, сидел Пушкин. Кусок мачты легендарного броненосца «Потемкин»... Экспозиция завершается современным периодом истории. Наш современник хочет осознать значение своего труда и своей жизни в истории Родины. Кусок графита с первой атомной электростанции, часть обшивки и судовой журнал первого в мире атомохода «Ленин», его флаг, который обвевали колючие ветры Арктики,— бесценные реликвии нашей эпохи. Еще витрина: удостоверение первого землянина-космонавта Ю. А. Гагарина и нарукавная стартовая повязка создателя ракетно-космических систем академика С. П. Королева. На алом шелке скупая надпись, сделанная в тот день рукой Сергея Павловича: «12 апреля 1961 г. С. Королев».

Есть тема, близкая любому возрасту: защита Отечества. Подолгу стоят посетители у витрин с мечами, копьями, кольчугами и шлемами древнерусских воинов, воспетых автором «Слова о полку Игореве». Кольчуга воина, положившего жизнь на Куликовом поле... Рядом с ножнами, поблескивающими каменьями, покоится парадная сабля Дмитрия Пожарского — и словно слышен ликующий финал «Ивана Сусанина» Глинки! Знамя с вензелем Карла XII и другие трофеи Полтавской битвы — свидетели краха захватнических планов шведского короля. Серебряные солдатские медали, которыми награждались рядовые участники Полтавского боя, чья храбрость решила участь сражения.

Торжествен, наряден обрамленный победоносными знаменами и штандартами русских полков зал «Отечественная война 1812 года». Прославленная серия полотен «1812 год» художника В. Верещагина. Обмундирование и снаряжение русской армии от солдата до генерала. Портреты героев всенародной эпопеи от генерала П. И. Багратиона (кисти В. Тропинина) до знаменитой старостихи-партизанки Василисы Кожиной! В отдельной витрине — походный столовый прибор Кутузова, подаренный ему учителем, прославленным полководцем А. В. Суворовым. С волнением смотрим мы на подзорную трубу фельдмаршала М. И. Кутузова, в которую он наблюдал за ходом Бородинского боя.

Великая Отечественная... Героические подвиги предков вдохновляли защитников Советской Родины в ту тяжелую пору. Особенно выразительно сопоставляются два экспоната: картина А. Дейнеки «Москва военная» с ее сурово-напряженным колоритом, запечатлевшая тревожную осень сорок первого, и сабля маршала Г. К. Жукова, с которой он принимал парад Победы в Москве.

...1941 год. В начале июля все те сотрудники, кто мог держать оружие в руках, ушли в ополчение. В музее шел отбор самого ценного из сокровищницы истории и культуры. В конце июля десять сотрудников во главе с ученым-археологом А. Я. Брюсовым выехали с 530 ящиками в далекий Кустанай.

В самом музее в Москве не прекращалась работа. Одна за другой открывались выставки, посвященные героической обороне столицы, разгрому врага под Москвой, гвардейским частям, партизанскому движению. Лишь с 30 октября по 6 ноября 1941 года музей был закрыт: взрывом фугасной бомбы выбило стекла и рамы в залах. 7 ноября, после исторического парада на Красной площади, музей открылся. С дней великой победы под Москвой работники начали сбор материалов о Великой Отечественной войне. Сотрудники музея читали лекции в воинских частях столицы и прифронтовой полосы, в госпиталях, на предприятиях. В отчете музея за 1942 год можно прочесть такой отзыв комиссара Н-ской части: «Вы совершаете дело огромной важности. Ваша работа делает вас участниками Великой Отечественной войны». Да, это было не просто: в 1942 году прочесть 1 785 лекций!

Нынешние богатства экспозиции Исторического музея — лишь небольшая часть собранного и хранимого в 15 фондовых отделах. Археологические коллекции музея, например, это 1 200 тысяч единиц хранения, в их числе такие шедевры, как Бессарабский клад II тысячелетия до н. э.; Афродита Таманская — II век до н. э. Нумизматическое собрание монет, орденов, медалей, печатей в музее — одно из четырех крупнейших в мире — включает свыше 1 520 тысяч единиц хранения. Но разве только количество говорит о ценности коллекций? Отдел рукописей и старопечатных книг насчитывает около 28 тысяч предметов. А это — наиболее полное в СССР собрание памятников письменности Древней Руси. Ведь в нем «Изборник» Святослава — свод знаний XI века по космографии, минералогии, медицине, ботанике; письма на бересте обычных людей XIII—XV веков, говорящие о значительном распространении грамотности в Древней Руси; рукописные тома XVI века; «Апостол» Ивана Федорова 1564 года — первая напечатанная и датированная русская книга.

В. И. Ленин подчеркивал: «...Музеи — не только политико-просветительные, но и научно-исследовательские учреждения. Без научной работы музеи не смогут давать тех знаний, в которых нуждается наш народ». Научная работа сотрудников Исторического музея ведется ежегодно в среднем по 80 темам.

Откройте наугад любую «Книгу отзывов». Благодарность коллективу музея, восхищение материалами. Надписи, сделанные разными чернилами, говорят на многих языках планеты.

Что может быть дороже народного признания и признательности? Ведь ради этого работает Государственный исторический музей.

БЫТ, ТОРГОВЛЯ, ЭКОНОМИКА

К. БАРЫКИН

Фото Н. Ананьева.

ЭТО РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЭЛЕКТРОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ МАШИНЫ БЕРУТ НА СЕБЯ ОБЯЗАННОСТИ ГЛАВНОГО БУХГАЛТЕРА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ТОРГОВЛИ, КАК ОНИ ПОМОГАЮТ РАБОТНИКАМ ТОРГОВ И МАГАЗИНОВ.

В 9.30 утра, за полчаса до открытия «Гостиного двора», на стол директора крупнейшего в Ленинграде универмага кладут несколько страниц нестандартного размера. Сводки. Все в них как на ладони: сколько и чего вчера было продано, что оседает на складах, какой отдел преуспел с товарооборотом, какой поотстал.

Строки и колонки цифр отпечатаны очень аккуратной «машинисткой», сочетающей дар безошибочной работы со знаниями экономики торгового дела.

— Мы уже привыкли к такой четкости,— замечает директор универмага С. Е. Люшнин.— Не представляю, как это прежде обходились без «электронного бухгалтера»...

ЭВМ ЗА ПРИЛАВКОМ

«Гостиный двор» — это шестнадцать—восемнадцать, а летом бывает и двадцать процентов всего ленинградского оборота в торговле промышленными товарами. Тысячи наименований самых разных изделий. Попробуй приглядеть за ними, разобраться: что и как покупается, насколько популярен тот или иной товар? Вообще-то говоря, и прежде пытались присматриваться, но результат этой кустарной работы известен. Пока еще не удается расшифровать сложность движения товаров, секретов изучения спроса, а это ныне едва ли не самые острые в торговле проблемы.

Ленинградцы разрабатывают автоматизированную систему управления городской торговлей. Дело это новое, непростое. ЭВМ работает в «Гостином дворе», но к ней уже подключены Дом торговли и «Пассаж». В сферу ее влияния попадает и Кировский универмаг. Как же вставшая за большой ленинградский прилавок современная электронно-вычислительная машина вмешивается в процесс купли-продажи?

...Летом вдруг пошли нарасхват в «Гостином дворе» стиральные машины. В магазине их почти не осталось. Обратились на базу—нет машин. Тогда — к электронной памяти. Через несколько минут с помощью ЭВМ стало известно: стиральные машины есть в Кировском универмаге. И спрос на них (неисповедимы покупательские странности!) там сейчас невелик. Два директора тут же созвонились, и через какое-то время автомобиль из Кировского универмага торопился в «Гостиный двор».

...В машинном зале информационно-вычислительного центра я

застал ЭВМ... беседующую с журналистами. Не скажу, чтобы это было очень оживленное интервью — разговор шел на разных языках. Но все же беседа состоялась.

— Самый ходовой размер мужских костюмов?

Через несколько минут можно было познакомиться с отпечатанными электронно-вычислительной машиной сводками и точно установить: 52-й размер.

— А рост?

Машина снова не задержала ответ: второй. И получили швейники четкую позицию — в Ленинграде зимой 1972 года наибольшим спросом пользуются костюмы 52-го размера, второго роста.

Сила ЭВМ в том, что она позволяет следить и за товарами «вообще» и не выпускает из поля зрения их конкретные группы. Более того, она может учитывать частные, казалось бы, признаки, скажем, цвет, вид, размер, рост костюмов.

— Это очень важно, что ленинградцы внедряют в торговлю экономико-математические методы и делают это с перспективой,— заметил в беседе со мной академик Н. П. Федоренко.

Разговор этот шел в помещении информационно - вычислительного центра «Гостиного двора». Приехав в Ленинград, крупный советский ученый нашел нужным посмотреть на месте, как работает информационно - вычислительный центр торговли...

За ленинградским прилавком ЭВМ работает много и разнообразно. «Забирая» в свою орбиту все новые предприятия, информационно-вычислительный центр углубляет методы экономико-статистического анализа, приучает к нему все большее число работников. Вот Дом ленинградской торговли — ДЛТ. Еще вчера, казалось, он обходился прежним способом счета. А теперь?

— Сводки, которые мы получаем из информационно-вычислительного центра,— подчеркивает директор ДЛТ Евгений Михайлович Сергеев,— не только оперативнее, но и полнее, чем информация от самого квалифицированного экономиста.

Кажется, Декарт сказал: «Порядок освобождает мысль». Вот ЭВМ и навела такой порядок. А мысль бухгалтера, экономиста, организатора торговли тем самым освободилась для решения творческих вопросов, которых немало в сфере купли-продажи и до которых раньше руки не доходили...

ЭВМ уже «уложили» в свою электронную память сотни тысяч цифр и названий, успели проследить судьбу десятков тысяч различных изделий, купленных или, увы, застрявших обременительной недвижимостью. Машины ведут комплексную обработку торгово-экономической информации, не чураются статистики, вмешиваются в повседневную практику. И не только в рамках одного универмага. Теперь уже всем ясно: без электронно-вычислительной техники торговле не обойтись. Эта техника должна помочь в изучении и прогнозировании спроса, в управлении запасами, формировании заказа промышленности. И, что очень важно, она способна обеспечить информацией, достаточной для того, чтобы принять научно обоснованные решения на непростом пути: поставщик — оптовая база — магазин — покупатель.

Пока еще ЭВМ действует только в сфере торговли промышленными товарами. В поисках путей дальнейшего улучшения торговли продовольственными товарами ленинградцы используют различные анкеты. Недавно они провели такой опрос: почему одни сыры расходятся, другие лежат без движения? Выяснилось, что 92 процента спроса приходится на 13 видов сыров из 47 выпускаемых. А из 92 процентов 66 падает на «Российский» сыр! Остальные не выпускать? Почему же? Выпускать, конечно, но в пропорциях, соответствующих спросу.

— Надобность в таком, по сути, математическом анализе возникает все чаще,— говорит заместитель начальника Главторга И. И. Каштелян.— Но подобные расчеты, конечно, сподручнее выполнять электронно-вычислительным машинам.

В перспективе — создание автоматизированной системы управления всей городской торговлей сперва промышленными, а потом и продовольственными товарами.

Считает ЭВМ и то, что продается в кредит, и выручку по киоскам, и посылочную торговлю («Гостиный двор» ведет ее все с большим размахом). Подсчитывает план, фактическую выручку за день. Если есть отклонения — фиксирует их: вот они, знакомьтесь, анализируйте, думайте, как исправить положение.

Внизу листа — «подбивает» итоги: число покупок за день—108 160. Прежде, ручным способом, на такой, очень нужный подсчет ушли бы часы. ЭВМ отщелкивает цифры мгновенно — контроль за событием может осуществляться в момент, когда оно происходит. Есть в сводке средняя цена покупки (это тоже полезно знать). Есть другие сведения, анализ которых поможет проследить господствующие тенденции в торговле, волны товарооборота, интенсивность покупок. Все это, конечно, важно и интересно, но не только во имя этого создавался центр. Есть в его работе экономическая полезность: предполагаемая в будущем годовая экономия от внедрения АСУ — шесть миллионов рублей.

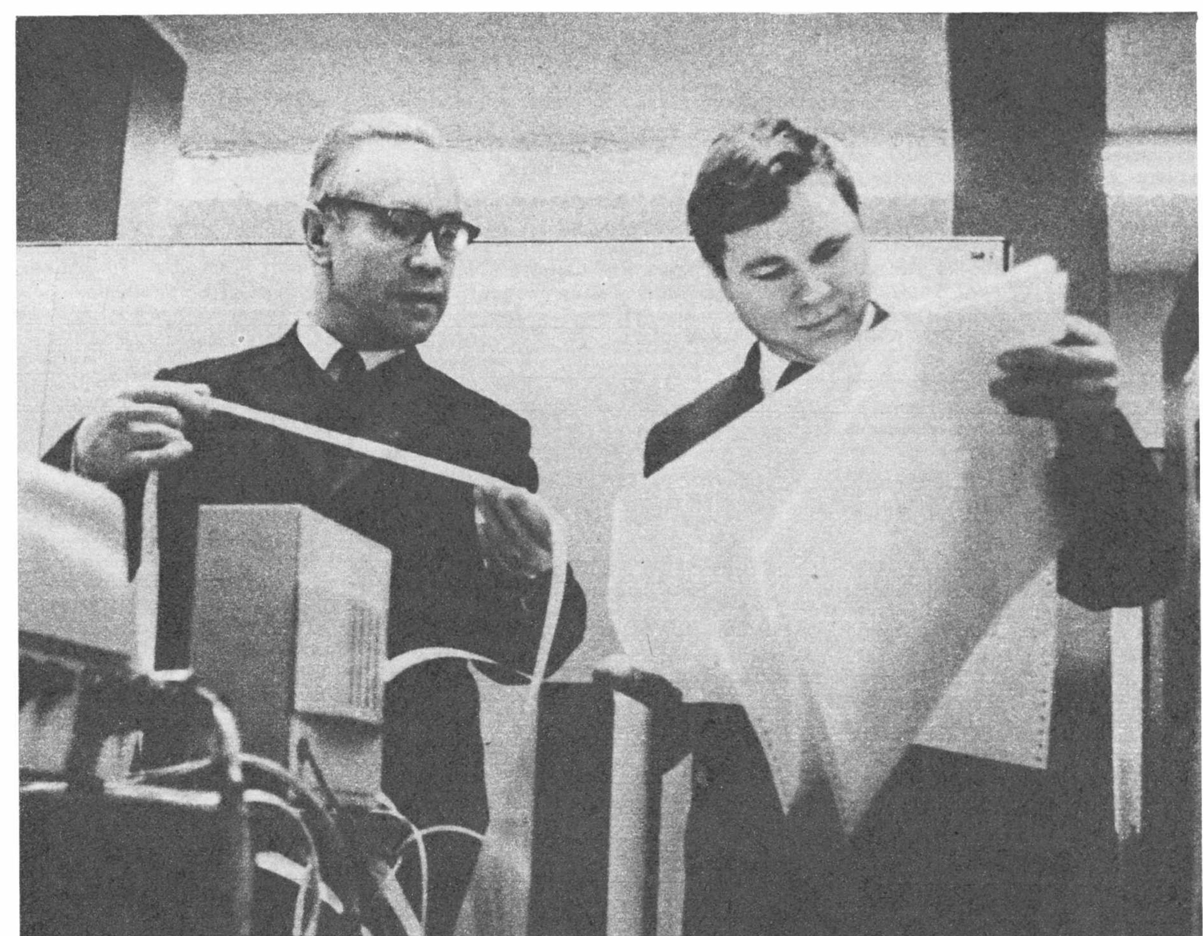
«Этот странный покупатель» тоже вносит свои коррективы в организацию торгового дела. Они должны быть замечены, учтены, исследованы. И тут опять не требуется помощь ЭВМ, требуются ее «ответы» на всякие «почему?». Почему, например, покупатель начинает свой обход магазина с отделов и киосков, расположенных по левую сторону от входа? Почему? Никто не знает, но факт остается фактом. Может, ЭВМ накопит такие факты в достаточно большом количестве для того, чтобы создать стройную систему предположений?

С чьей-то нелегкой руки, с давнего, теперь уже минувшего времени, пошло нелестное и неправильное мнение о торговле как о деле до чрезвычайности простом, а подчас и неточном. Подумаешь, дескать: выложил товар на прилавок и продал. Свою лепту в такое упрощенное представление внесла и та пора, когда не товар гонялся за покупателем, а покупатель — за товаром: что ни появится в торговом зале — раскупалось немедленно. Это нанесло урон и промышленности товаров массового спроса, постепенно приучая ее к нетребовательности. Но еще больший урон был нанесен самой торговле, ее престижу, умению торговать. Набалованные покупательским вниманием работники баз, магазинов поставлены сейчас перед необходимостью учиться торговать по-новому. Товаров все больше, покупатели становятся все привередливее, и попытки работать, как прежде, по старинке, могут принести горькие плоды. Дело тут не только в психологическом приятии или неприятии новой ситуации. Торговля должна стать подлинно индустриальной. А технизация неминуемо повлечет за собой динамизм, точность и подготовку кадров технической интеллигенции...

Конечно, очень хорошее дело — автоматическая система управления торговлей. Но не может быть создана такая система до той поры, пока не наладится первичная информация. Законы ЭВМ таковы, что ей не подсунешь небрежно составленные, написанные разными, чаще всего неразборчивыми «почерками» документы. ЭВМ нужен четкий язык цифр и символов — свой код. Только в ленинградской торговле сейчас находятся в обороте товары 380 тысяч наименований. И что ни товар, то свой ярлык, свой наряд-квитанция. Промышленные предприятия словно соревнуются друг с другом в том, чтобы одинаковые изделия маркировать непохоже, чтобы помудренее выписывать названия, индексы. А мудрить-то не надо! Нужно начать разработку единой системы индексации товаров, унифицировать торговые коды. Работники торговли справедливо вопрос ставят так: не утверждать ГОСТ на то или иное изделие без того, чтобы одновременно не утвердить торговый индекс на него, чтобы, скажем, чугунная сковорода вместо нынешнего названия «помощница домашней хозяйки» (представьте, есть и такие «индексы») имела в сопровождающем ее торговом ярлыке машинный индекс. Точно такой же, какой должен проставляться на всех ярлыках подобных сковород, где бы они ни выпускались. Тогда эти ярлыки можно ввести в ЭВМ, и она быстро пересчитает проданные и непроданные сковороды. Сейчас их приходится считать едва ли не вручную, а затем своим, доморощенным индексом записывать и лишь после этого вводить в машину. Считает ЭВМ секунды, а материал для подсчета готовится часами.

ЭВМ, понятно, стерпит, ей-то что? Но торговые работники мириться с этим не хотят. Да и нельзя с этим мириться: вчерашние устаревшие методы в сочетании с сегодняшней техникой способны дискредитировать эту самую технику. А она перспективна!

— Как прежде обходились без электронного бухгалтера?
Заведующий информационно-вычислительного центра Л. Д. Булычев и директор универмага «Гостиный двор» С. Е. Люшнин.

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Иван **НИКОЛЮКИН**

Иван Николюкин родился и вырос в селе Воронежской области. В 1966 году окончил Литературный институт имени Горького. В 1969 году в Москве были изданы две поэтические книги: поэма «Россия начинается с избы» и сборник стихов «Сенокос». Публикуемые стихи — из нового сборника «Окно матери», который готовится к печати в издательстве «Советский писатель».

* * *

Поля снегами замело,
Застыли ветлы в огороде...
Приеду в дальнее село
Весной на праздник половодья,
Когда задумчивую тишь
В начале сонного апреля
Разбудят с почерневших крыш
Под солнцем
Звонкие капели.
Здесь разливается вода,
Как говорят,
Из горки в горку,
Когда на лужах и звезда
Последних льдинок точит корку...
По вечерам,
По вечерам
Приветом пламенным и дымным
Опять пылать большим кострам,
Плывущим на огромных льдинах.
По вечерам,
По вечерам
На островках последних снега
Все молодежь.
То тут, то там
То визг,
то песнь,
то взрывы смеха...
Пусть в это время далеко
До соловья в саду зеленом,
Но так свободно,
Так легко
В краю,
Природой обновленном.

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

Нежней не найти
материнского сердца.
Сильней не найти
материнского сердца...
Три сына,
три брата
ушли на войну,

Три сына,
три брата
в чужую страну
Прогнали врага,
высшей чести верны,
Но только два брата
вернулись с войны.
Омыла слезами их раны старушка
И тихо спросила:
— А где же Андрюшка?
Мой милый,
мой славный,
мой младший сыночек?
И старший ответил:
— Рос в поле кусточек,
Он вырван был взрывом.
На свежей могиле
Мы, с братом прощаясь,
его посадили.
Промолвил и средний,
вздохнув глубоко:
— Могилу его отыскать нелегко.
Мы были в том месте,
но кустик исчез,
За годы и куст превращается
в лес.
Ни слова в ответ не промолвила
мать
И стала в дорогу котомку
сбирать.
— Тебе не под силу,
он долог, тот путь! —
Воскликнули братья.
— Пройду как-нибудь.
— Но где же ты хочешь могилу
найти?
— Я знаю, что нужно на запад
идти.
В жестокие дни материнской
недоли
Что может быть тверже, сильней
ее воли?..
Немало пришлось ей осилить
дорог
С тех пор,
как оставила дом и порог.
Был долог, и труден, и скорбен
был путь.
Решила старушка в лесу
отдохнуть.
Присела она меж веселых берез
На холмик,
который травою зарос.
Потом прилегла,
утомившись, старуха.
Вдруг слышит:
В земле простонал кто-то глухо.
Ах, холмик, ах, кочка,
Средь множества кочек...
— Ты здесь, мой Андрюша,
Откликнись, сыночек?
— Я здесь.
И она улыбнулась, рыдая.
Промолвил Андрюша:
— Спасибо, родная.
Я знал, умирая в горячей крови, —
Нет силы сильней материнской
любви,
Безмерной любви
чудодейственной силы,
Способной и мертвых поднять
из могилы.

...Я, может быть, сказкой закончил
балладу,
Но так было нужно, но так было
надо
Для всех потерявших сынов
матерей,
О матери в этой балладе моей.

* * *

Когда весна для пастуха
В деревне наступает?
Нет, не тогда, когда снега
В полях звенящих тают,
Когда несутся крыги льда
Широким половодьем
И даже,
Даже не тогда,
Когда подснежник в моде.
Уже с утра и до утра
С прицепами большими
В полях воркуют трактора,
Пылят в селе машины...
Когда же все-таки весна
К нему приходит в гости?
А вот тогда,
Когда она
В своем богатом росте.
Когда затравятся луга,
В цветах захороводят,
В те дни она для пастуха
В мои края приходит.

* * *

Это лето
Расплескало тепло,
Синеву на полсвета.
Посмотри:
Горизонт
В зыбком мареве,
Мареве, мареве...
Завтра мой самолет
Будет с небом твоим
Разговаривать.
А пока,
А пока
Это — поле звенящего золота.
Подождем облака,
Что повисли над трубами
Города.
Нас тропинка ведет
Не в твои ль несерьезные
Годы...
Ты все просишь
Полет
Отложить до нелетной погоды...
Как надолго со мной
В города улетит это лето
Зоревой синевой
Молодого степного рассвета...
Это твой горизонт
В зыбком мареве,
Мареве, мареве,
Это мой самолет,
Как рыбешка
В стеклянном аквариуме.

* * *

1

Опадает листва
На могилу Кольцова.
Умирают слова
И рождаются снова.
По осенней поре
Здесь глубокий покой.
Кто-то к жесткой коре
Прислонился щекой.
И угрюмо шумит
Песней старою дуб,
На суровый гранит
Осыпая свой чуб...
Опадает листва
И рождается снова.
Остаются слова
Алексея Кольцова.

2

Мне чудится далекое.
Мне слышится мотив,
А в нем тоска глубокая
Степных ветров и нив.

Светило это солнышко
Над ним не для него ль?
Так горько пел соловушка,
Такая в песнях боль...
Просторная,
Ненастная,
Укутанная в грусть,
Душевная,
Несчастная,
Лежит под камнем
Русь.

* * *

Здесь все осталось неизменным,
Таким знакомым и родным,
Таким до боли сокровенным,
Таким до робости святым.
Все та же за деревней озимь,
Все тот же
За оврагом лес,
Все то же солнце,
Та же осень
И та ж безоблачность небес.
И та березка у речонки
Который день,
Который год,
Как деревенская девчонка,
Свою невинность бережет...
И никуда отсель дороги,
А все тропиночки сюда,
И с этим малым,
С этим многим
Мне не расстаться никогда.

Жители Ла-Валетты приветствуют у здания парламента членов лейбористского правительства.

Борис ГУРНОВ,
фото автора.

МАЛЬТА–ЖЕ

Предание утверждает, что первым у Мальты потерпел кораблекрушение святой апостол Павел. Последним о непреклонную волю мальтийцев разбился корабль агрессивных устремлений НАТО. Ныне вот уже несколько месяцев подает своим атлантическим союзникам сигналы «SOS» английское военное ведомство перед лицом реальной угрозы потерять на Мальте свои базы.

Легенда рассказывает, что много-много лет тому назад коварная нимфа Калипсо заманила на эти острова и, захватив в плен, долго держала там Одиссея. Было это или не было и существовала ли вообще та нимфа, с достоверностью не может сказать никто. Но зато все мальтийцы, с которыми мне довелось встречаться в Ла-Валетте и ее окрестностях, с уверенностью подтверждали как непреложный факт, что народ острова никогда не звал и уж тем более не удерживал на своей земле чужестранцев—никогда. Они приходили сами, привлекаемые географическим положением острова, которое позволяло его обладателям контролировать важнейшие международные морские пути.

Когда после французского владычества на острове взвился британский флаг, адмирал Нельсон заявил, что англичане никогда не оставят Мальту.

— Никогда! — повторили мне недавно слова легендарного адмирала его преемники — командиры английских военных баз на Мальте, когда я спросил, не последует ли вслед за изгнанием с острова штаба военно-морских сил НАТО эвакуация и английских военных баз. А немногим позже эта эвакуация началась. Ее именуют библейским термином «Операция Исход».

Ураган крупнейшей политической бури бушует над Мальтой с лета прошлого года, когда в результате выборов пришло к власти лейбористское правительство, возглавляемое Домиником Минтоффом. Это правительство не на словах, а на деле начало проводить политику мира, независимости и строительства новой жизни в интересах широких слоев коренного населения Мальты. Оно добилось назначения мальтийца на занимавшийся ранее англичанином пост генерал-губернатора острова. Новые власти выслали с Мальты за неуважение к ее суверенитету

Доминик Минтофф — премьер-министр лейбористского правительства Мальты.

командующего военно-морскими силами НАТО в южной зоне Европы адмирала Биринделли, а вслед за ним и весь штаб НАТО. Господствовавшим на острове в течение 170 лет англичанам было заявлено, что взаимоотношения с ними могут продолжаться лишь на основе новых равноправных договоров. Прежний так называемый «договор об обороне» был объявлен недействительным до истечения его срока, как договор неравноправный, навязанный Мальте колонизаторами, не учитывающий интересов населения острова.

— Впервые в истории Мальта не желает более довольствоваться крохами, которые перепадали ей в прошлом от колонизаторов,— заявил новый премьер-министр Д. Минтофф.— То, что мы требуем,— это наше законное право...

— Англичане проводили на Мальте обычную политику колонизаторов, брали максимум, давали минимум,— говорил мне в Ла-Валетте Джордж Аджюм — Генеральный секретарь Всеобщего союза труда, крупнейшего профсоюзного объединения страны. — В результате они превратили экономику острова в придаток своих военных баз. Покончить с этой привязанностью, с этим колониальным наследием прошлого одним махом попросту невозможно. Поэтому экономическая программа нового правительства ставит своей целью: временно продлив соглашение с Англией на условиях резкого повышения платы за пользование военными базами, направить дополнительные средства для переориентации экономики. Цель — как можно скорее развить мирную национальную промышленность, добиться экономической независимости, поставить вопрос о полной ликвидации английских баз.

— Мальта — малая страна,— говорил мне в столице острова вид-

Первый в истории мальтиец, ставший генерал-губернатором острова, входит в здание парламента.

середину января, провалились. Вместо планировавшихся бывшими колонизаторами антиправительственных выступлений на Мальте там состоялись массовые манифестации в поддержку правительства Минтоффа. Реакционеры не рискнули даже выйти на улицы. Главным и основным лозунгом народной манифестации мальтийцев было требование подлинной независимости и суверенитета острову, который за его стойкость и решимость в борьбе издавна называют железным.

«Мы никому и никогда не позволим больше играть судьбами нашего острова!» — говорили и говорят мальтийцы.

Щит с эмблемой военно-морского командования НАТО уже давно сорван с фасада бывшей атлантической штаб-квартиры в Ла-Валетте.

ЛЕЗНЫЙ ОСТРОВ

ный деятель лейбористской партии Мальты П. Науди.— Но на протяжении всей своей истории мы неоднократно доказывали, что умеем себя защищать. Мы полны решимости раз и навсегда покончить с милитаризмом и превратить наш остров в остров мира. Мы хотим дружить и торговать на основе взаимной выгоды со всеми народами. Мы полны решимости и энтузиазма добиться наконец настоящей, подлинной независимости...

Лондон отказался удовлетворить законные требования мальтийцев. Когда же правительство Минтоффа потребовало в середине января эвакуировать английские военные базы, британское правительство начало сложную, лицемерную игру, которую ее же организаторы и исполнители цинично называют «политическим покером». В этой игре используются все нечистые карточные и политические приемы.

С одной стороны, англичане внешне стремятся продемонстрировать свою «незаинтересованность» в сохранении военных баз. Для этого они распускают слухи о том, что при нынешнем развитии военной техники мальтийские базы не имеют якобы решающего военного значения. С этой же целью британские власти начали демонтаж военного оборудования и эвакуацию некоторых контингентов вооруженных сил, дислоцировавшихся на острове. С другой же стороны, Лондон всеми силами цепляется за Мальту с помощью, а вернее, по наущению командования НАТО и стоящих за ним Соединенных Штатов Америки.

В то время как британские дипломаты разыгрывали политический вариант покера на переговорах с мальтийским правительством, военное ведомство Лондона перебрасывало в район Мальты военные суда с вертолетами и солдатами так называемых «сил наведения порядка». Распускаются из вполне определенных источников явно недвусмысленные слухи о том, что эти «силы» имеют опыт Ольстера. Мальтийская газета «Мальта ньюс» выступила недавно с сенсационными разоблачениями плана антиправительственного переворота, организованного Британской секретной службой. Этот план включал организацию волнений на Мальте, вооруженные столкновения, которые должны были спровоцировать «силы наведения порядка», и даже заговор с целью физического устранения премьер-министра Минтоффа.

Однако эти планы, осуществление которых было назначено на

Надпись на пороге бывшей штаб-квартиры НАТО.

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬОН

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

10

Ратман вернулся к себе усталый. Бросившись в кресло, он принялся перебирать в памяти события прошедшего дня. Где же все-таки Рид?..

Визит в отель «Фон Гумбольдт» оказался таким же безрезультатным, как и посещение британского посольства. Дежурный администратор, получив несколько долларов, пытался помочь Ратману, но сумел лишь выяснить, что Рид в гостинице не появлялся.

Пронзительно зазвенел телефон. Ратман взял трубку и сразу узнал голос своего друга Эла Спидела — американского корреспондента в Рио-де-Жанейро.

— Говорит Спидел. Это ты, Джо?

— Да, да! Какие новости?

— А вот какие. Я кое-что узнал о Халкинсоне Листере из того списка, что ты прислал мне. Он канадец, преподает историю и только что получил назначение... как ты думаешь, куда?

— Не представляю.

— В университет Лимы.

— Ну и что?

— Поговори с ним.

— О чем?

— Откуда мне знать! О его предках, о прошлогоднем снеге, о Канаде или об истории, если ты еще имеешь представление о ней.

— К сожалению, все перезабыл.

— Тогда вот тебе для ориентировки несколько фактов. Окончил среднюю школу в Торонто, потом колледж «Спарта» в Ванкувере, после чего учился в Англии в Кембриджском университете. Первое место работы—колледж «Спарта» в Нью-Йорке, преподаватель истории, а позже — в той же должности — в колледже «Спарта» в Сан-Франциско; в течение десяти лет был советником канадского и американского правительств, затем профессор истории в Берлине, потом занимал крупные посты в университетах Буэнос-Айреса, Рио-де-Жанейро и вот теперь в Лиме. Специализируется по истории Европы, но неплохо знает историю ацтеков и инков.

— Спасибо. Возможно, когда-нибудь мне представится случай оказать тебе такую же услугу.

— Возможно, возможно... Да, чуть не забыл. Я ведь узнал кое-что и о некоем Пьере Бриаке — он тоже есть в твоем списке. Весьма странный тип. Ему около сорока, француз, президент «Международного банка». Родился в Париже, образование получил в Лионе, потом в колледже «Спарта» в Париже. Из Парижа уехал в Берлин и служил там в различных банках. Был советником «Всемирного банка». Здесь находится по каким-то делам, имеющим отношение к Торговой палате Буэнос-Айреса. Влиятельный и скрытный человек. Выгнал меня из дому, когда я пытался получить у него интервью.

— Так. Что еще?

— Все. Буду наводить дальнейшие справки, а пока заканчиваю, затянулся наш разговор.

— Еще раз спасибо тебе.

Ратман едва успел положить трубку, как снова раздался звонок.

— Джо?

— Я.

— Наконец-то! Весь день тебе названиваю. Это Пит.

— Слушаю, Пит.

— Я по поводу того списка, что ты мне прислал.

— Ну, ну?

— Мои коллеги из Нью-Йорка помогли мне проверить человек двадцать.

— Так, так.

— Как правило, большие тузы, птицы высокого полета.

— Дальше.

— Вот, собственно, и все, если не считать одного примечательного факта: все они...

— ...все они получили образование в различных колледжах под одним и тем же названием — «Спарта»? — живо перебил Ратман.

— Правильно. Значит, ты уже знаешь?

— Я только высказываю предположение.

— По-твоему, эта деталь имеет какое-то значение?

— Не исключено.

— Как бы то ни было, меня это заинтересовало, и я стал копаться дальше. Скажи, ты знаешь, что во многих странах западного мира среди членов правительства и тех, кто занимает различные крупные посты, сплошь да рядом встречаются люди, получившие образование в одном из колледжей под названием «Спарта»? Кстати, я взял да и написал об этом очерк.

— Что?! — Ратман даже вскочил с кресла.— И его напечатали?

— Черта с два!—раздраженно ответил Пит.— Не напечатали и вряд ли напечатают. Во всяком случае, моя газета наотрез отказалась. На вопрос «Почему?» редактор по отделу очерков Оуэрс ответил мне: «Спарта» не новость». А в «Нью-Йорк гардиан», куда я со злости послал очерк, вообще ничего не ответили — вернули, и все. Кажется, не осталось ни одной крупной газеты в Соединенных Штатах, которой я не предложил бы свой материал, и все напрасно.

— Любопытно. Но почему мы почти ничего не знаем об этих колледжах «Спарта»?

— Понятия не имею. Наша газета — я специально проверял — за последние пять лет даже не упоминала о них. Может, моему старику надо было бы в свое время послать меня в один из этих колледжей, а? Правда, я не одолел даже средней школы — потому, наверно, он и не решился.

— Не унывай, Пит. Простые люди не кончают колледжей «Спарта». Говорят к тому же, что их студенты живут в холодных общежитиях, занимаются зубрежкой, а каникулы проводят в горах, где им приходится, в частности, взбираться на вершины Гималаев. Нет уж, лучше я во время отпуска поваляюсь на морском пляже да полюбуюсь на хорошеньких девушек. Так что у тебя еще, Пит?

— Пока все. Английские газеты сообщают, что при авиационной катастрофе где-то там, в ваших краях, погиб некий Рид. У тебя не найдется каких-нибудь подробностей?

— Пока нет. На поиски самолета в джунгли отправилась экспедиция. Если она что-нибудь обнаружит, я обязательно извещу тебя.

— Благодарю, дружище. Мне это не помещает, а то редактор поедом ест меня с тех пор, как узнал, что я занимаюсь этой твоей «Спартой», будь она проклята. Ну, желаю успеха.

В трубке зазвучали гудки отбоя. Ратман достал сигарету и закурил. Он понимал, что есть много такого, над чем нужно хорошенько подумать.

Хосе чувствовал себя униженным. Он поколотил Марию, отчитал Кристобаля, охранявшего выход из тоннеля, однако настроение у него не улучшилось. Он жаждал мести, но не знал, кому мстить. Прежде всего надо было отыскать Рида. Хосе зашел к Марии и, покуривая неизменную сигарету, уселся у нее в ногах.

— Мария, моя маленькая голубка, я хочу поговорить с тобой.

— О чем еще? — спросила девушка, переставая всхлипывать.

— О Риде.

— Я уже все тебе рассказала.

— Ничего ты мне не рассказала.

— Потому что и рассказывать нечего.

— Лжешь!

— Клянусь всеми святыми!

— И все равно лжешь. Это ты помогла ему бежать?

— Нет.

— Нет, ты!

— Хорошо же, я скажу тебе правду. Да, это я помогла ему бежать. Я оставила на полу тоннеля капли стеарина, и по ним он нашел выход.

— Он сказал тебе, куда пойдет?

— Да, сказал. В свое посольство.

— Он не был в посольстве.

— Но он же сказал, что хочет вернуться в Англию. Зачем ему говорить неправду?

— Мужчины постоянно лгут женщинам, иначе на земле никогда бы не было мира.

— Он говорил со мной искренне.

Хосе встал.

— Мне следовало бы убить тебя, но я подожду, ты поможешь мне найти Рида. Он в опасности и только из-за твоей женской глупости. Слушай, что тебе нужно сделать.

Он говорил в течение нескольких минут, и Мария внимательно его слушала.

— Поняла,— кивнула она, когда Хосе умолк.

— Выполнишь все, что я сказал, и тогда, быть может, заслужишь прощение. Я ухожу, моя красавица. До свидания.

Как в какой-то хитроумной составной детской картинке-загадке, отдельные детали постепенно вставали на свои места, образуя определенный рисунок. После долгих размышлений Ратман наконец увидел перед собой картину, написанную ненавистью, страхом и жаждой реванша,— картину, писать которую начали люди, замыслившие покорить весь мир. Их попытка оказалась тщетной, но у них нашлись последователи, они добиваются той же цели, используя еще более изощренные средства и способы.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—10.

«Интересно,— подумал Ратман,— когда им удалось захватить в свои грязные лапы колледжи «Спарта»? Они были созданы с благими намерениями, а теперь превратились в питомник будущих палачей и убийц, собирающихся установить свое господство над всем человечеством... Но, может, я заблуждаюсь? — перебил Ратман самого себя.— Может, все это существует только в моем воображении?»

Размышляя и хмурясь, Ратман продолжал возиться с магнитофоном, потом подошел к письменному столу, нажал кнопку, спрятанную между тумбами, под средним ящиком, и внятно произнес: «Алло, алло, говорит Эйбл Джек, говорит Эйбл Джек...» Выключив запись звука, он подошел к спрятанному магнитофону и, прокрутив пленку, убедился, что голос звучит отчетливо и громко. Ратман с довольным видом потер руки. «Ты же, оказывается, замечательный радиотехник! — похвалил он себя.— В следующий раз, когда меня навестит Корт или его дружки, у меня останется хотя бы память об их визите».

Он опять закурил и снова принялся ломать голову над тем, куда мог скрыться Рид. «Если даже Корт захватил его, это ничего ему не даст. Корту нужен портфель, а он у меня... Так где же Рид? Все-таки я, кажется, успел к нему привязаться...»

Ратман тяжело вздохнул и загасил сигарету. Надо было начинать визиты и первым делом навестить Халкинсона.

В квартиру постучали. Ратман открыл дверь и оказался лицом к лицу с довольно полной женщиной.

— Мистер Ратман?

— Да.

— Я фрау Каппелман.

— Фрау Каппелман? — переспросил пораженный Ратман.

— Можно войти? — Не ожидая ответа, женщина вошла в комнату, закрыла за собой дверь и повернула ключ в замке.— Так будет лучше,— заметила она.

— Извините, я, право, несколько удивлен...— заговорил было Ратман.

— Разрешите сесть? — Она подошла к креслу и опустилась в него. Посетительница держалась уверенно и спокойно.— Вы тоже садитесь, молодой человек. Мы должны поговорить.

Ратман сел напротив, пытаясь справиться с чувством беспокойства, вызванного этим неожиданным визитом.

— Рад познакомиться с вами, миссис Каппелман,— проговорил он; одновременно Ратман незаметно просунул руку под стол и включил магнитофон.

— Точнее говоря, вы поражены, не так ли? Но неважно. Если не ошибаюсь, вас интересует деятельность моего мужа?

— Как вам сказать, миссис Каппелман... Я журналист, не связанный с какой-нибудь определенной газетой, и если мне кажется, что я чую запах сенсации, я, естественно, стараюсь разузнать подробности.

— И уже успели узнать, что у Каппелмана есть жена, что стюардесса разбившегося самолета — моя дочь и что она погибла,— печально сказала миссис Каппелман.

— Пока никто не может утверждать, что ваша дочь погибла. Ее захватили индейцы, и, возможно, она жива.

— Если Розелла и жива, ко мне она не вернется. Ее-то я и оплакиваю. Понимаете, мистер Ратман, я любила ее.

— Она ваша дочь от первого мужа?

— Да... Вскоре после катастрофы выясняется, что Эрик жив, и меня навещает ваш человек. Естественно, я спрашиваю себя: «К чему все эти расспросы?» Обращаюсь к властям, а мне отвечают: «Ваш муж болен, находится в больнице, где его, несомненно, поставят на ноги». Но это меня не успокаивает. Затем у меня появляются двое неизвестных и велят молчать. Я поняла, что у Эрика опять какие-то неприятности, но на этот раз другого характера, нежели прежде. Раньше в подобных случаях он всегда присылал мне распоряжения: сделай то, сделай другое... А на этот раз — ничего. Вот я и подумала, что дело, видимо, обстоит не так, как раньше, и решила отправиться в Лиму и сама все разузнать. Сказано — сделано: я беру билет на самолет и лечу в Мехико...

— Позвольте, но почему в Мехико? Ведь есть же более короткий...

— Потому, что я вовсе не дура, мистер Ратман. Потому, что я достаточно долго жила с Эриком Каппелманом и научилась никому не доверять. Я лечу в Мехико, а за мной, как я и ожидала, слежка. Те, кто следил за мной, хитры, но я хитрее — женщина при желании перехитрит кого угодно. Я иду туда, иду сюда, и в конце концов они теряют меня. Я прилетаю в Лиму, и об этом никто пока не знает. Адрес ваш я получила от того человека, которого вы посылали поговорить со мной. И вот я у вас и жду, что вы откроете мне правду.

— Правду, миссис Каппелман?

— Скажите, мой муж жив?

— Почему вы думаете, что его нет в живых?

— Я уже сказала. Но у меня есть и другое доказательство. Пока мой муж был жив, он всегда пересылал в банк чек на мое имя, а в этом месяце чека не поступило. Управляющий банком уверяет, что, возможно, это недоразумение, однако какое уж тут недоразумение... Мой муж...

— Я ничего не знаю. Видите ли...

— Мне нужна правда, мистер Ратман. Вы опасаетесь, что я начну плакать? Не собираюсь. Эрик — дурной человек.

Ратман удивленно взглянул на женщину и по выражению ее лица понял, что она говорит искренне.

— Видите ли, только одному человеку удалось живым выбраться из джунглей — некоему Риду. Он видел, как ваш муж... был убит.

— Вы уверены?

— Вполне. У Рида нет причин лгать.

— Могу я поговорить с этим Ридом?

— Его нет.

— Нет? Где же он?

— Миссис Каппелман, с Ридом и мною, после того как мы начали интересоваться делами вашего покойного мужа, произошло многое, причем главным образом неприятное.

«А что я, собственно, теряю?» — спросил себя Ратман и рассказал женщине все, что знал. Она слушала молча.

— Вам известна только часть истины,— проговорила она, когда Ратман кончил,— а я знаю ее всю.

Ратман почувствовал, что его охватывает волнение, но усилием воли заставил себя выслушать свою странную собеседницу. Она рассказала, как тяжело переживала смерть первого мужа, о своем одиночестве, о первой встрече с Каппелманом.

— Я была моложе, изящнее, да и он, хотя уже начал полнеть, все еще выглядел хорошо и к тому же располагал средствами...

Мы поженились, а вскоре Каппелман сумел отделаться от моей дочери. Он устроил ее стюардессой. Так что мы с ней фактически перестали видеться. Потом Каппелман перевез меня в Каракас и тем самым изолировал от всех друзей и знакомых. Мы встречались только с его друзьями. Все они были весьма влиятельными людьми с очень хорошими связями, но все... как бы это сказать... словно замирали в присутствии Каппелмана...

— То есть?

— Они очень боялись моего мужа, мистер Ратман.

— И вы узнали, почему?

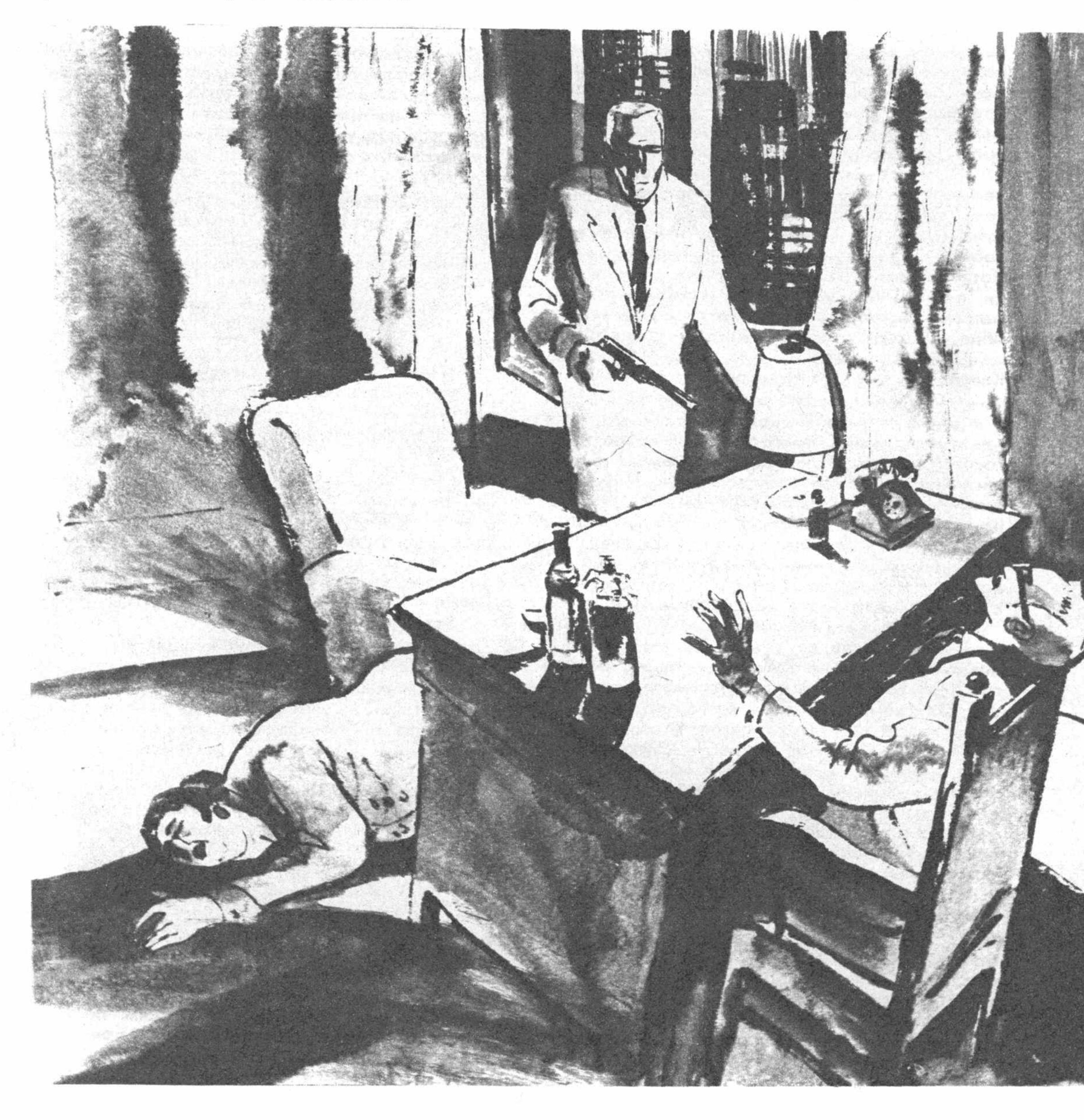
— Узнала.

— Каким образом?

— Через женщину. Женщины, мистер Ратман, когда наступает время сурового испытания, сохраняют единственную нерушимую верность — верность друг другу. Один из так называемых друзей моего мужа покончил самоубийством, и его вдова явилась ко мне... с ножом.

— Убить вас?!

— Нет, моего мужа. Но не решилась: не выдержали нервы. У нее не хватило сил даже вынуть нож из сумочки. Зато она мне все рассказала...

— Продолжайте, продолжайте.

— Ее будущий муж подростком учился в одном из колледжей «Спарта». Как-то его подвергли испытанию на храбрость, и он не выдержал. Тогда классный наставник остался с ним наедине и...

— Наставник был немец?

— Да. Он остался с ним наедине и сказал: «Я буду молчать, никто ничего не узнает, если ты подпишешь вот этот документ. В нем говорится, что ты — трус». Мальчик подписал, и произошло чудо. Нет, у него не прибавилось ни храбрости, ни способностей, но с того времени он стал получать блестящие оценки, а когда окончил колледж, ему предоставили хорошую должность на государственной службе в одной из латиноамериканских стран. Он быстро сделал карьеру, но пришло время расплачиваться. Он стал выполнять чужую волю, делать то, на что никогда бы не решился сам и что вовсе не казалось ему правильным. Он беспрекословно выполнял все указания мужа, который все время напоминал ему о существовании того документа и о том, что в любой момент может предать его огласке.

— Но такая мелочь вряд ли могла бы...

— Это только один и далеко не самый главный из многих способов, с помощью которых люди, подобные моему мужу, заставляли других подчиняться себе и считать, что «Спарта» всегда права. Того человека, о котором я рассказываю, предупредили, что, если он все же рискнет пойти на позор, бесчестие и крушение своей карьеры, этим ему не отделаться. Если он посмеет открыть рот, выболтать хотя бы одну из тайн «Спарты», умрет не только он сам, но и его жена и дети. Ему не оставалось ничего другого, как слепо подчиняться любым приказам. Он знал к тому же, что и другие воспитанники колледжей «Спарта» находятся точно в таком же положении.

— Буквально в с е, миссис Каппелман?

— Нет, конечно. Из каждого выпуска того или иного колледжа «Спарта» обычно отбирают одного-двух студентов. Колледжи под таким названием есть в Лондоне, Париже, Западном Берлине, Мадриде, Копенгагене, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Буэнос-Айресе и в других крупных городах. В принципе-то, мистер Ратман, в этой системе образования нет ничего предосудительного, скорее наоборот. Вся беда в том, что с некоторых пор руководство ею перешло в руки маньяков, мечтающих о мировом господстве и озабоченных подготовкой нужных кадров. Они отбирают наиболее способных студентов и умело их компрометируют. Потом помогают им «выпутаться», и такие люди, естественно, испытывают к своим «спасителям» чувство признательности. Ну, а если и обнаруживают, что стали жертвой грязных махинаций, выбраться из рук таких людей, как Каппелман, они уже не могут.

— Но во имя чего это делается?

— Я же сказала. Насколько я понимаю, речь идет о создании нового рейха и новой расы господ из особо отобранных американцев, англичан, испанцев и кое-кого еще. А руководить ею будут из Западной Германии. Женщина, о которой я говорила, сказала так: «Ваш муж является одним из руководителей. Он гаулейтер всей Южной Америки. Мой муж покончил с собой, потому что не мог бороться с ними. Вашего мужа нужно убить...»

— Ну, и как же вы поступили?

— Я отправила ее домой. Не скажу, что я поверила ей или не поверила,— ни то, ни другое. Просто я решила сама понаблюдать, стала заглядывать в бумаги мужа. Да, женщина была права! Каппелман мертв, и это хорошо, но вместо него сюда пришлют другого человека, и только... Скажите, мистер Ратман, сможете вы написать обо всем этом и опубликовать в какой-нибудь газете? Я готова рассказать все подробности и даже разрешу сфотографировать себя. Я не боюсь, я же теперь совсем одна, и...

— ...и слишком болтлива,— послышался чей-то голос.

Ратман резко повернулся. В проеме двери, открытой на крохотный балкон, покачивалась спущенная сверху веревка. Прозрачная занавеска отлетела в сторону, и в комнату шагнул Корт с пистолетом в руке. Миссис Каппелман вскрикнула и хотела подняться, но Корт вытянул руку, из дула пистолета, снабженного глушителем, вылетел огонек, послышался негромкий щелчок, и женщина, застонав, медленно сползла на пол.

Это было последнее, что видел Ратман. Он хотел закричать, позвать на помощь, но успел лишь пробормотать несколько слов: снова блеснуло пламя, снова прозвучал легкий щелчок, и голова журналиста безжизненно откинулась на спинку кресла.

Корт быстро подошел к письменному столу и, обнаружив, что ящик закрыт на ключ, вынул из кармана отмычку, сломал замок и вполголоса выругался: ящик был пуст. Некоторое время Корт стоял, сдвинув брови и размышляя, потом прошел в спальню, тщательно обыскал кровать и уже осмотрел несколько ящиков комода, когда услышал крик и поспешно вернулся в гостиную. Какая-то женщина взволнованно кричала сверху:

— Боже, кто-то забрался в квартиру под нами! Взгляни, Аннет, веревка! Я же говорила тебе, что слышала... Сейчас же звони в полицию...

Проклиная обладательницу пронзительного голоса, Корт еще раз осмотрелся, подошел к входной двери и осторожно открыл ее; в коридоре никого не оказалось. Корт вышел из квартиры и спустился по лестнице. Он знал, что рискует, но иного выхода не было. Еще больше рисковал он сегодня, решив проникнуть в квартиру Ратмана, когда его люди, день за днем наблюдавшие за домом, сообщили, что у подъезда, не решаясь, видимо, войти сразу, прохаживается миссис Каппелман.

Корт спустился в безлюдный вестибюль и вышел на улицу как раз в ту минуту, когда за углом послышался приближающийся вой полицейской сирены.

11

Джилингхем лишь слегка нахмурился, когда его шеф-повар Альберто доложил, что одна из судомоек вышла замуж и уволилась. Но, добавил Альберто, замену ей он уже нашел, взял свою добрую знакомую по имени Мария — трудолюбивую, энергичную девушку с тремя блестящими рекомендациями от весьма солидных людей. Джилингхему, разумеется, и в голову не пришло, что рекомендации были написаны под угрозой разоблачения кое-каких неприглядных фактов из биографий рекомендующих.

Мария быстро освоилась в доме Джилингхема и уже через неделю смогла кое-что сообщить Хосе, когда они встретились в маленькой комнате в ювелирном магазинчике.

— Хоть бы ты порадовала меня хорошими новостями, Мария,— озабоченно заметил Хосе.— Неприятностей у меня и так хватает.

— А что?

— Нашего друга Ратмана уже нет... Ратман и какая-то женщина найдены убитыми в его квартире.

— Вот как! — оживилась Мария.— Неудачный роман?

— Чепуха! Женщина была слишком стара для романов.

— Ну и что? Если женщина еще может любить, значит, она молода.

— А я тебе говорю, что убитая не была любовницей Ратмана. Они даже не знали друг друга.

— Но кто же она?

— Полиции неизвестно. Полицейские считают, что их застрелил какой-то сумасшедший.

— Сумасшедший? За что?

— Он мне не докладывал. Думаю, ее убили за то, что она пришла к Ратману и разговаривала с ним. Может, она сообщила ему что-нибудь, а может, нет. По-моему, только сеньор Корт мог бы все объяснить. Он очень плохой человек, и вот что интересно: его не было в гостинице, когда были убиты Ратман и эта женщина.

— Ты заявил куда следует?

— Ты что, за болвана меня принимаешь? — вспылил Хосе.— По-твоему, мне надо пойти в полицию и заявить: «Так и так, сеньоры, я шпионил за сеньором Кортом, я шпионил за сеньором Ратманом. Я многое знаю, но у меня нет причин убивать Ратмана...» Не строй из себя дурочку, Мария. Полицейским позарез нужен какой-нибудь простак, чтобы приписать ему убийство, и они только обрадуются, если я сам суну голову в петлю.

— Прости, я не подумала. Ты уважал сеньора Ратмана?

— Уважал. Вообще-то терпеть не могу проклятых американцев, а вот сеньора Ратмана уважал. Я уж думаю, не убить ли мне Корта в отместку? Ну, ладно. Рассказывай, что ты узнала о сеньоре Риде. Найти бы его! Он-то, наверно, растолковал бы нам, за что расправились с сеньором Ратманом.

— Могу сообщить тебе, что сеньор Рид находится у сеньора Джилингхема. Как я узнала? А так: болтаю со всеми, позволяю ухаживать за собой... Он у Джилингхема, это точно. Наш повар Альберто каждый день ставит на поднос всякую еду и куда-то несет, а вот куда — никто никогда не видел. Сегодня поздно вечером я зайду к Альберто. Постараюсь вытянуть из него все. В двенадцать ночи я закончу работу и пойду домой. Вы ждите меня у служебного входа. В два часа ночи Альберто откроет мне дверь, а дальше вы уж сами действуйте... Скажи, а что мы так беспокоимся о сеньоре Риде?

— Сам не знаю,— покачал головой Хосе.— Знаю только одно: я должен спасти сеньора Рида. Мой друг сеньор Ратман, будь он жив, попросил бы меня об этом. Может, на мое счастье, сеньор Рид скажет мне, за что сеньор Корт убил сеньора Ратмана. Я отомщу за сеньора Ратмана.

— Откуда же это знать сеньору Риду? — улыбнулась Мария.— Он такой простоватый, хотя и симпатичный... Ну, мне пора,— спохватилась девушка.— Не забудь, Хосе, в два ночи.

— Иди, Мария. Если все пройдет хорошо и сеньор Рид вознаградит меня, я куплю тебе хороший подарок.

— Новое платье?

— Договорились.

— И туфли?

— Да.

— И чулки?

— Согласен, черт тебя побери!

Мария взяла сумочку и, взмахнув своими длинными юбками, выскочила из магазинчика. Хосе допил кофе и тоже ушел.

Довольно мурлыкая что-то под нос, Альберто прошелся по своей комнате, сдувая с мебели воображаемые пылинки. Потом он еще раз намазал бриллиантином и без того старательно напомаженные волосы, снова нафабрил усы и вымыл руки и лицо водой с обильной добавкой одеколона. Было без пяти два ночи. В доме царила тишина. Альберто бесшумно спустился по лестнице в кухню, открыл все запоры и распахнул дверь.

— Мария! — позвал он.

Не получив ответа, Альберто окликнул девушку погромче, потом вышел во двор и снова позвал. Лишь после этого девушка подбежала к нему, и он привлек ее к себе, собираясь поцеловать, но сильный удар по голове свалил его на землю.

— Так-то вот,— прошептал Хосе, пряча в карман мешочек с песком, и негромко свистнул. Появившийся рядом с ним человек легко взвалил Альберто на плечо и понес к ожидавшему на дороге «бьюику». Он бросил повара на заднее сиденье и уселся рядом; Хосе подсел к водителю. Машина бесшумно, на холостом ходу, спустилась по уклону дороги, после чего шофер включил мотор и «бьюик» быстро набрал скорость.

Альберто пришел в себя от крепкой, обжигающей жидкости, влитой кем-то ему в рот. Он с трудом приподнялся и сел и прежде всего увидел Хосе, с которым никогда раньше не встречался. Здесь же был огромный, высокий мулат. Марии и след простыл.

— С добрым утром, сеньор,— приветствовал его Хосе.

— Что вам нужно? — простонал Альберто.— Я бедный человек... Где я?

— В подвале под причалом в Кальяо. Вода здесь холодная и глубокая. Возможно, течение Гумбольдта отнесет тебя в теплые моря. Но ты еще сможешь вернуться домой, к своей мягкой постели и выгодной работе, если скажешь то, что нам нужно знать.

Альберто был итальянец, и его тут же обожгла мысль: «Я в руках мафии!..»

— Итак, первое: где сеньор Рид?

— Рид?! Не знаю я никакого Рида!

— Согласен, ты можешь и не знать такой фамилии. Но у вас есть в доме пленник?

Н. Жуков. ДЖИЗМОНДО ВЕРОНИ.

Н. Жуков. ФРАНЗИНИ ДЖУЕРРИНО.

ДОМ, В КОТОРОМ РАЗМЕЩАЛСЯ ШТАБ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

— Нет.
— Ну-ка, друг, помоги ему вспомнить.
Мулат пнул Альберто в бок. Итальянец вскрикнул и заполз в угол.
— Так есть у вас пленник, Альберто?
— Я не знаю...
— Напомни ему еще разок.
— Не трогайте, я скажу! — взмолился Альберто.
— Вот так-то лучше. Ну?
— Несколько дней назад мне приказали готовить еду еще на одного человека.
— Кто приказал?
— Не знаю. Распоряжение передали по телефону.
— Дальше.
— С тех пор я готовлю лишнюю порцию каждого блюда и оставляю в столовой.
— А потом?
— А потом получаю обратно пустую посуду.
— Кто съедает эту лишнюю порцию?
— Понятия не имею.
— Враки! Поддай-ка ему...
— Не надо! Я сказал неправду.
— Мы так и знали. Ты наверняка шпионил за своими хозяевами, и что же?
— Я узнал, что еду относят в винный подвал. Клянусь, больше ничего не знаю!
— У кого ключи от подвала?
— У самого сеньора Джилингхема, он не доверяет дворецкому.
— И правильно делает. А где могут быть эти ключи сейчас?
— Где же, как не у сеньора Джилингхема. Сейчас он спит, наверно, в своей спальне.
— Дверь у подвала крепкая?
— Люк? Как и обычно у таких подвалов.
— А вторые ключи? У кого они?
— У м-меня.
— Очень хорошо. А теперь скажи: когда вы со своим дружком дворецким последний раз побывали в подвале, чтобы опорожнить очередную бутылку?
— Мы не спускались в подвал с тех пор, как узнали, что туда относят еду. Вдруг там заперт какой-нибудь сумасшедший? Пока выжидаем, может, его скоро уберут. Уже сколько дней, сеньор, я и мой друг даже не нюхали хорошего вина.
— Понятно. Значит, ждете не дождетесь, пока в подвале никого не будет?
— Да уж если по правде...
— В таком случае этот человек покинет подвал сегодня же ночью.
— Это как же?
— Его выпустишь ты.
— Я?
— Ты. Сейчас мы отвезем тебя обратно. Ты проводишь нас в подвал, откроешь дверь, мы увезем сеньора Рида, а ты можешь хоть захлебнуться в вине.
— Я... я не против,— попытался улыбнуться Альберто.— Так мы и сделаем через несколько дней.
— То есть как через несколько дней? — возмутился Хосе.— Я же сказал — сейчас! Вставай.
Он слегка пнул Альберто, и тот поспешно вскочил на ноги.
— Я понимаю, ты можешь поднять шум, когда мы окажемся у вас в доме,— спокойно заметил Хосе.— Но, надеюсь, не сделаешь такой глупости. Во-первых, потому, что тогда тебе пришлось бы придумывать какое-то объяснение.
— Какое объяснение?
— Ну как же. Мария-то окажется у тебя в комнате и расскажет твоему хозяину, что это ты впустил ее ночью к себе, а сам пошел за выпивкой и закуской. Это во-первых. Во-вторых, ты не станешь поднимать шума еще и потому, что было бы глупо умереть из-за такого хозяина, как твой. Служба везде служба. Потеряешь одну — найдешь другую. А вот если умрешь...— Хосе замолчал, не спеша вынул из кармана нож и нажатием кнопки заставил лезвие выскочить из рукоятки.
— Я и рта не раскрою! — испуганно пролепетал Альберто.
— Умно сказано. А теперь пошли.

Продолжение следует.

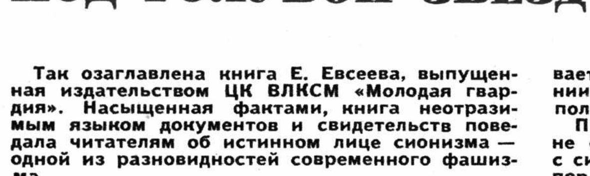
Перевел с английского
Ан. Горский.

О ВРЕМЕНИ И ТЕАТРЕ

Вышла в свет книга Ю. А. Зубкова «Время и театр» (издательство «Знание»).
Выпуск этой книги особенно радует в связи с постановлением ЦК КПСС о литературно-художественной критике, указывающим на необходимость соотносить явления искусства с жизнью, с требованиями времени.
Книга Ю. Зубкова — темпераментный рассказ о современном театральном искусстве, о новых произведениях театра, характеристики которых автор ставит в связь с принципом партийности творчества, с историческим развитием страны.
Советская театральная критика — всегда бой за высокую идейность, нравственность, красоту и гуманность сцены. Целостность и ясность взгляда позволяют автору четко разобраться в многообразии явлений театральной жизни, смело отграничивать главные ценности от пустой породы.
Автор широко смотрит на развитие новых театральных форм. От его внимания не уходят плодотворные поиски, которые ведет театр в этом направлении. Глубоко анализирует автор такие интересные спектакли, как «Драматическая песня», «Разгром», «У времени в плену». Главное их достоинство Ю. Зубков видит в философском осмыслении темы революции.
В книге мы найдем подробный анализ и поддержку новых постановок советской драматургии, где театры, утверждая свою творческую концепцию, идут непроторенными путями, не повторяя старых решений.
Особенно пристально и глубоко рассматривает критик спектакли и пьесы о В. И. Ленине. Здесь проявилась основная черта исследователя; он пишет, что нельзя добиться какого-либо успеха в постановке ленинского спектакля, не изучив и творчески не отобрав то лучшее, что создано советской театральной Ленинианой. Подробно говорится в книге о творческом пути Б. Щукина и М. Штрауха, о значении их художественного подвига... В плане творческой преемственности Ю. Зубков также глубоко исследует работу над образом вождя революции, созданным артистами М. Ульяновым и Н. Проворовым.
Уже самое соприкосновение художника с ленинской темой подразумевает исключительно высокую степень ответственности. Мыслью о нерасторжимом сплочении людей труда с Коммунистической партией выверяет автор ценность последних спектаклей и пьес о Ленине и революции, таких, как «Большевики», «Шестое июля», «10 дней, которые потрясли мир...». Отмечая своеобразие этих постановок, автор считает основным их недостатком отсутствие ярко выраженной мысли о несокрушимости революции, о сплоченности революционных масс с партией Ленина. Ленинская тема в искусстве, замечает автор, раскрывается не только в произведениях о днях минувших, но и о днях нынешних. Советская действительность — это ленинизм в действии, практическое претворение в жизнь ленинских идей и предначертаний... Спектакли «Иркутская история», «Ленинградский проспект», «Мое сердце с тобой», «Мария», развивая тему большой, сильной личности, утверждают коммунистические идеалы во взглядах на жизнь и человека.
С подлинно партийных позиций рассматривает Ю. Зубков идейную несостоятельность произведений «Обыватель Колобашкин» Э. Радзинского, «Хочу быть честным» В. Войновича, «Аттракционы» А. Володина и некоторых других пьес, где «теория» дегероизации заслонила от драматургов большую правду жизни. Проблемы гуманизма автор опять-таки связывает с проблемой борьбы за передового человека.
Ясность во взглядах на назначение критики, определяющей направление и рост советского театра,— основное качество книги, отмеченной верой в новые достижения советского театра, обращенной к лучшим сторонам человеческой души.

Вяч. ВОРОБЬЕВ

ПИСАТЕЛИ КНИГИ

«ФАШИЗМ ПОД ГОЛУБОЙ ЗВЕЗДОЙ»

Так озаглавлена книга Е. Евсеева, выпущенная издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Насыщенная фактами, книга неотразимым языком документов и свидетельств поведала читателям об истинном лице сионизма — одной из разновидностей современного фашизма.
«Теоретический» багаж сионизма», «Иудейская религия в системе сионизма», «Монополистический капитал и сионизм», «От философии до напалма» — вот названия некоторых глав и подзаголовков книги, дающие представление о круге ее проблем.
Сионизм, пишет автор, «сегодня разновидность фашизма. От других известных форм фашизма сионизм отличается, во-первых, более широкой разветвленностью своих организаций, во-вторых, тем, что он не ограничен государственными или национальными рамками своей базы», а активно действует во многих странах мира, используя в качестве опорной базы государство Израиль и ведущую империалистическую державу — США.
Сионизм, отмечает автор, как орудие империализма, был осужден и заклеймен еще в «Тезисах по национальному и колониальному вопросу» II конгресса Коминтерна, готовившихся под непосредственным руководством В. И. Ленина. В пункте XI, в частности, говорилось: «Ярким примером обмана трудящихся масс... произведенного соединенными усилиями империализма Антанты и буржуазии... может служить палестинское предприятие сионистов, как и вообще сионизм».
Сионизм был пригвожден к позорному столбу на московском международном Совещании коммунистических и рабочих партий в июне 1969 года. XXIV съезд КПСС принял Заявление «За справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке», в котором отмечается: «Борьба миролюбивых сил против израильской агрессии вступила ныне в такую фазу, для которой характерно полное разоблачение экспансионистских устремлений израильской правящей верхушки и сионистских кругов».
В целом автор нарисовал широкую картину главных проявлений сионизма, участвующего в открытой кампании террора, направляемой против передовых сил человечества. Он указывает и точный адрес дирижеров этой кампании — крупнейшие империалистические монополии.
Правда, финансовые воротилы, как правило, не особенно рекламируют свои прямые связи с сионизмом, и эта связь, к сожалению, до сих пор исследована лишь отчасти. Тем больший интерес приобретает книга Е. Евсеева, где на конкретных исторических примерах, а также на основании внимательного исследования деятельности монополий прослеживаются глубокие связи международного сионистского концерна и крупной финансовой олигархии различных буржуазных стран и прежде всего США. Достаточно упомянуть схему семейных связей некоторых финансовых и торговых домов США, участвующих в финансировании деятельности сионизма, приведенную в книге.
Е. Евсеев раскрывает и механику сионистского пропагандистского аппарата. Сионизм, говорит он, обладает большими возможностями для ведения «войны без выстрелов». Ведь он имеет в своем распоряжении только официально известных как сионистские 1 036 периодических изданий. Лишь в США выходит 146 сионистских газет и журналов, общий тираж которых достигает нескольких миллионов экземпляров.
Сионизм занимает место одного из ударных отрядов антикоммунизма на переднем крае идеологических сражений современности. Вкупе с другими подразделениями антикоммунизма сионизм участвует в острейшей борьбе за умы и души, настроения и взгляды миллионных масс. Излагая историю подрывной деятельности сионистов против Советской власти, автор подчеркивает, что особое ожесточение сионистских провокаций отмечается по всему миру после июньских событий на Ближнем Востоке, после той поддержки, которую Советский Союз оказал арабским друзьям.
Но «никакими провокациями, угрозами, шантажом и насилием колесо истории вспять не повернуть. Социализм непобедим!» — такими словами автор заканчивает свою книгу, которую посвящает «героям и безвестным борцам против империализма».

А. АЛИХАНОВА

3

Н. ЗЫБИНА, Д. УХТОМСКИЙ

ЗАКОНЧИВШИЙСЯ В ТБИЛИСИ V ВСЕСОЮЗНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ БЫЛ БОЛЬШИМ ПРАЗДНИКОМ ДРУЖБЫ НАРОДОВ. ЗНАКОМИМ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ С ЕГО УЧАСТНИКАМИ.

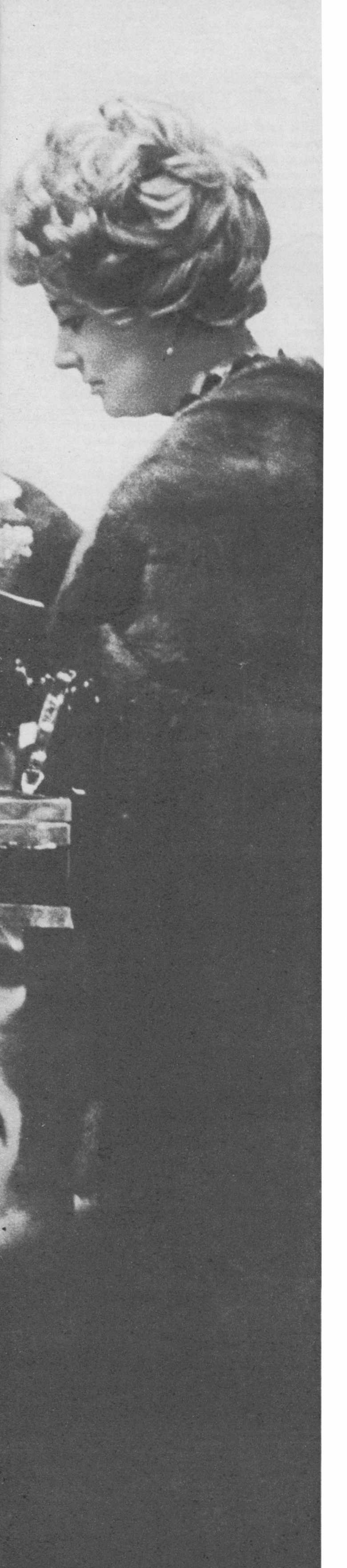
1

ПЕРЕД ГЛАЗАМИ ЗРИТЕЛЕЙ

2

1

Народный артист СССР Сергей Бондарчук объявляет решение Большого жюри.

2

Лаура Вартанян, киноартистка из Армении, играет в конкурсном фильме «Хатабала». В кулуарах ее часто называли «Мисс фестиваль-72».

3

Встречи... встречи... Алла Ларионова и Лейла Абашидзе.

4

Самые молодые представители киргизской кинематографии: режиссер Болот Шамшиев и дебютантка кино Айтурган Темирова. Фильм «Алые маки Иссык-Куля» — их новая работа.

5

В Тбилиси Ирочку Волкову называли «наша Настя» по имени героини в фильме студии имени Горького «Ох, уж эта Настя» (первая премия за лучший детский фильм). Ее поздравляет народный артист СССР Григорий Рошаль.

6

Хожданкули Нарлиев из Туркмении, постановщик фильма «Невестка», отмечен специальным призом за режиссуру. Успех его по праву разделяют артистка М. Аймедова и художник Роза Кулиева.

7

Приз за лучшее исполнение женской роли на фестивале получила Софико Чиаурели. Она играет в грузинской конкурсной картине «Тепло твоих рук».

8

Таджикская картина «Рустам и Сухраб» удостоена премии фестиваля за лучший исторический фильм. Артисты Х. Гадоев и Б. Ватаев — исполнители главных ролей.

9

«Захар Беркут», лента украинских кинематографистов,— одна из лучших картин фестиваля. Артисты В. Симчич и Е. Крупенникова.

10

Режиссер Юрий Озеров получил главный приз V Всесоюзного фестиваля кино за две последние картины из серии «Освобождение».

11

Гость фестиваля грузинский режиссер Отар Иоселиани.

4

5

6

7

8

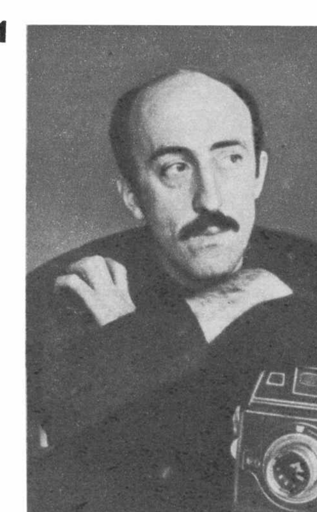

9

10

11

Поросенок Гошо

Васил ЦОНЕВ

Последние исследования доказали, что по интеллигентности поросята следуют непосредственно за дельфинами и человекоподобными обезьянами.

Но я об этом знаю давным-давно, и тот факт, что я это не предал гласности, можно отнести лишь на счет моей пресловутой скромности и нежелания выделяться.

Еще с самого раннего детства моя жизнь была неразрывно связана с поросятами. Мой отец, как истое дитя деревни, перенес в столицу все традиции и привычки своей родной Добруджи, и, совершенно не считаясь с тем, что вокруг его нового жилища одни мостовые, он в ночь под рождество молился, чтобы бог послал ему побольше жита, побольше молока от коровы, чтоб послал и кур, и овец, и козью бастурму. И мы, городские ребята, удивлялись, откуда возьмутся у нас, если не свалятся с неба, и поля, и стада, и виноградники. А стоило нам спросить об этом у отца, мы получали по загривку, чтобы помалкивали и не кричали: столько лет наши деды жили именно так и не поднимали шума, а мы, дармоеды, на всем готовом, начинаем возражать.

Так нам внушали, что спорить бессмысленно, ибо все мы идем по одной стезе.

Моя дочка не может понять, почему я сержусь, если на землю упадет кусочек хлеба, и почему я хлебом вытираю тарелку во время еды, ведь все знают, что это ужасно вредно. Как ей объяснить, что это привычка, укоренившаяся с тех времен, когда хлеба давали по триста граммов, а всей месячной зарплаты хватало на восемь килограммов растительного масла!

И мне не было смешно, когда дочка, хихикая, рассказывала, как бабушка Кристина — соседка — каждую осень бегает в парк собирать сучья на зиму, хотя она давно живет в квартире с паровым отоплением.

Но, как всегда, я несколько отвлекся и забыл, что начал разговор о поросятах.

В тесном дворе Овечьего источника мой отец не мог завести ни корову, ни овцу, но зато он каждый год откармливал поросенка. Теперь, когда я вспоминаю об этом, я понимаю, что дело было не в материальной выгоде, просто отец с детства сжился с мыслью, что живность обязательно должна быть в каждом доме.

Поросенка покупали совсем маленьким, откармливали, и, когда он уже не мог двигаться от жира, отец собственноручно превращал его в пахнущие девяноста девятью ароматами толстые домашние колбасы, которые заманчиво висели на чердаке до самой весны.

Сначала они были мягкими и лопались посередине, когда их клали на горячую сковороду, а потом становились все тоньше и тверже, так что к апрелю ими можно было резать стекло.

В те времена мы смотрели на поросят не как на одухотворенные существа, а просто как на будущую колбасу. Поросята появлялись и исчезали, и я не запомнил из них ни одного. Да и как мог я запомнить, если отец не позволял мне приближаться к хлеву, сам кормил поросят, сам убирал за ними и сам превращал их в колбасу!

Что это за животное, мы узнали лишь после смерти отца, когда вынуждены были сами выращивать поросят.

Во дворе был хлев, рядом с домом — солдатская казарма, из которой ежедневно выливали на помойку целые ведра пищевых отходов, а на базаре кило мяса стоило тысячу двести левов старыми деньгами (для сравнения скажу, что моя мать работала в то время швеей за пять тысяч в месяц, я и мой младший брат сменяли друг друга как мальчики на побегушках у одного торговца за три тысячи на двоих).

Так что воспоминания об этих длинных, пахнущих пряностями колбасах пришли сами собой, помимо нашего желания, и поросенок, как говорится, сам поселился в хлеве.

Поначалу он был крохотный и розовый, как младенец. Непосвященный человек просто не мог бы поверить, что через шесть месяцев это неземное существо превратится в сто пятьдесят килограммов свинины.

Как я уже сказал, поросята, которых выращивал отец, проходили через мой желудок, не оставляя во мне духовного следа, но этот уже с первого дня вошел в нашу жизнь, как полноправный член семейства. Как настоящее дитя, он ласкался на руках, лизал ладони и повизгивал от радости, когда видел кого-нибудь из нас. Такое существо не могло остаться безымянным, и мы, сами не знаем почему, нарекли его Гошо.

Я размышляю и не могу понять, что за особый аромат у имен! Увидишь кого-нибудь, и тотчас же на ум приходит имя, и после не можешь представить себе, что это существо может носить другое имя.

Так и с детьми. Перед тем как они появляются на свет, мы придумываем им всевозможные имена, спорим, ссоримся, а как только дитя родится, посмотришь — и с первого взгляда ясно, что это Мария, или Хризантема, или Лили, и не о чем спорить. Просто каждый ребенок рождается уже со своим именем, и невозможно себе представить, что рожденная Марией может быть названа Симеонкой.

Так же было и с поросенком. Как только мы впервые увидели его на руках у моей матери, все воскликнули одновременно:

— Посмотрите, Гошо!

И даже на ум никому не пришло, что он мог быть Митко или Стоян.

Он был Гошо, и никак иначе.

Прежние поросята жили взаперти в хлеве, и мы, занятые повседневными делами, внезапно с удивлением замечали, что поросенок превратился в свинью. Но этот младенец был таким существом, которое не могло ни минуты обходиться без нас. Когда мы запирали его в хлев, он начинал стучать в двери и хрюкать или ложился на спину и болтал ножками. Успокаивался он, лишь когда мы выпускали его наружу и водили по улице на веревке, как щенка. Как настоящая собачонка, он скалил зубы на чужих детей и даже пытался лаять, когда видел какого-нибудь большого небритого мужчину. К женщинам он испытывал странное чувство, особенно к красивым. Он начинал стыдливо моргать, радостно подпрыгивал и терся головой о ноги, требуя, чтобы его погладили.

Солдаты, жившие в казарме, знали его и издали приветствовали криком:

— Здорово, Гошо!

И Гошо откликался пронзительным визгом и радостными прыжками. Запахи солдатской одежды в его представлении, как видно, связывались с огромными ведрами, до краев наполненными кусочками хлеба, плававшими в жиру.

Но особенно Гошо пристрастился к детским играм. Едва заслышав детский смех, он начинал верещать и не переставал до тех пор, пока мы не выпускали его на футбольное поле. Здесь он кидался в толпу детей и бегал между ними, как в слаломе. Вместе с нами он играл в жмурки и в футбол.

Он без отдыха бегал за мячом и, лишь получив несколько пинков, прятался за ворота и там стоял наготове. Когда мяч улетал за пределы поля, Гошо бежал за ним, хватал зубами кожаную завязь и приносил мяч к ногам вратаря.

Очень странным было его отношение к чистоте. Слова «грязный, как поросенок» не имели к нему никакого отношения. Может, это мы были виноваты. Каждый день, прежде чем принимать Гошо в игру, мы купали его посреди двора в глубоком корыте. Он так привык к чистоте, что, если его запирали в грязном хлеве, он поднимал такой визг, что волей-неволей приходилось хлев чистить. Его визг и хрюканье имели самые различные оттенки. Один визг означал, что Гошо голоден, другой — что ему весело, а когда он требовал почистить хлев, он визжал совсем иначе.

Но однажды он удивил нас совершенно новым визгом, которого мы до тех пор не слыхали.

Комендантом казармы был назначен дурной человек. Он запретил солдатам кормить нашего поросенка. Как настоящий садист, комендант вырывал у солдат из рук полные ведра и выливал их в канаву. И спокойно вздыхал лишь после того, как убеждался, что все ведра пусты. Тогда он шел на плац и, придираясь к солдатам, которые отдавали ему честь не по полной форме, отправлял их под арест.

Мы пережили тяжелый удар. Ведь мы купили поросенка именно в расчете на эти пищевые отходы, а теперь у нас ничего не было.

Гошо оставался запертым в хлеве. Он провизжал уши жильцам всего квартала. Соседские дети, которые уже отлично распознавали особенности визга, приносили ему куски хлеба, моркови, остатки от обеда, но Гошо продолжал орать, как ребенок, которого отняли от груди.

Тогда мы решили сварить ему фасоль.

Гошо понюхал новое блюдо, потом поднял рыльце к нам, словно спрашивая: «А это что за штука?»

Мы все ободряюще закивали головами. Тогда Гошо схватил одну фасолину. Чавкнул. Зажмурился. Нам показалось, что он улыбнулся, как бы говоря: «Пожалуй, это неплохо».

И он набросился на фасоль.

Выход был найден.

Целый месяц мы кормили его вареной фасолью.

Сначала Гошо визжал и подпрыгивал от радости, потом стал уничтожать свою порцию с полным безразличием, а когда месяц был на исходе, поросенок стал задумываться.

А однажды мы услышали старый, знакомый визг, означавший, что Гошо голоден.

Мой брат принес полную кастрюлю вареной фасоли, но Гошо не стал есть. Он отступил на шаг назад и недоверчиво взглянул в кастрюлю.

Что там могло быть, кроме вареной фасоли?

Брат высыпал фасоль в корыто.

Гошо снова посмотрел на нее, потом в корыто, потом опять на нас.

Потом ткнул рыльце в фасоль и завизжал на новый манер. Да так пронзительно, что весь квартал навострил уши.

Соседские дети сбежались посмотреть, что случилось.

А Гошо бегал вокруг корыта, кричал и мотал головой. Наконец он остановился и выкинул нечто неожиданное. Он приподнял корыто рыльцем и перевернул его. Вся фасоль высыпалась на землю. Тогда Гошо уселся на край корыта и завизжал на уже известный нам манер: так он визжал, когда был голоден.

Наши возможности были исчерпаны.

Что делать дальше?

Соседи смотрели на нас понимающе. Все стало ясно. Да, все ясно. Но как это сделать?

— Ничего не поделаешь, дети,— сказала мать,— немножко рановато, но придется кончать. Гошо уже набрал восемьдесят килограммов, из него получится хорошая колбаса. Вы помните, как это делал отец?

Мы молчали, только посапывали.

Соседские дети стояли рядом и тоже посапывали.

А Гошо визжал, задрав рыльце к небу.

Мы могли представить себе все, что угодно, кроме того, что придет день, когда розового поросенка, которого мы любили, как родного, надо будет превратить в колбасу. Об этом мы не могли и помышлять.

В один миг мы возненавидели колбасу.

Мы стояли с опущенными носами, а мать смотрела на нас и удивлялась.

Тогда мой брат Коце всхлипнул, взял большую веревку, обвязал ее вокруг шеи Гошо и повел его вон.

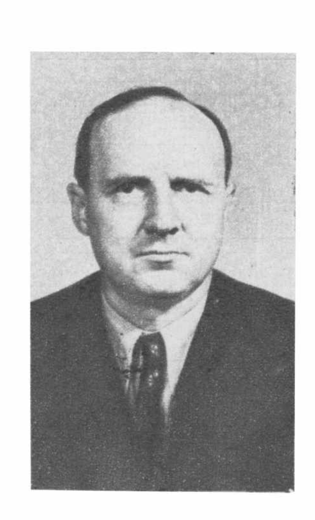
Мы все пошли следом.

Мать попыталась что-то сказать, но никто ее не слушал.

Мы пришли на базар и продали Гошо первому встречному покупателю. Даже не стали торговаться, даже не смотрели на деньги, которые получили.

Со всех ног мы побежали домой, чтобы не слышать визга поросенка Гошо, который орал, упирался и пытался укусить в ногу своего нового хозяина.

Перевел с болгарского Н. Лабковский.

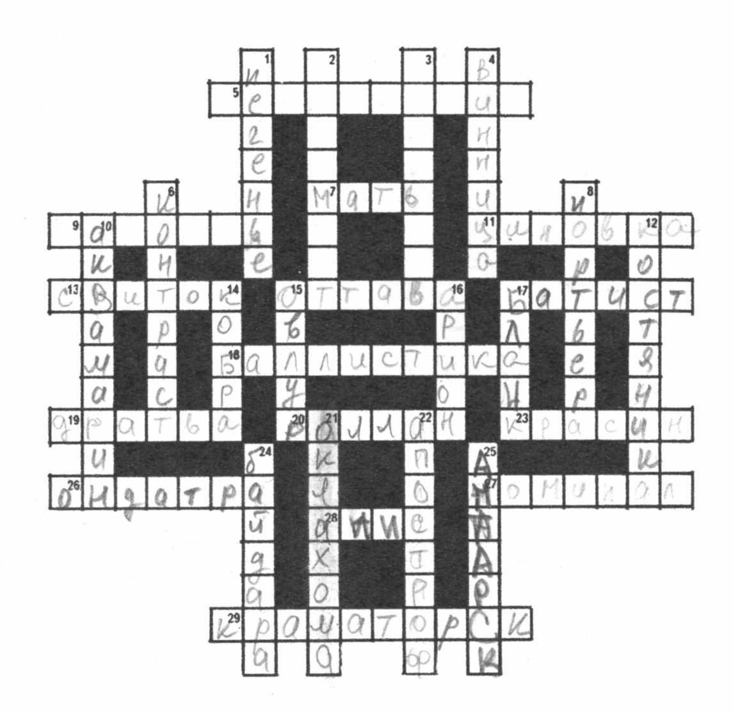
В. Ф. БАРЫКИН

Умер Владимир Федорович Барыкин — один из старейших советских журналистов, вся сознательная жизнь которого была отдана без остатка славному делу советской печати. Он был и продавцом газет, и экспедитором, и организатором рабкоров.

Настойчивости, упорству, трудолюбию, животворному стремлению к знаниям он, выходец из крестьянской среды, обязан тем, что стал журналистом. Проявив литературные способности, он овладел нелегким искусством видеть, запоминать, анализировать, писать просто, умно и доходчиво. Он работал в «Рабочей Москве», «Литературной газете», «Известиях». Много лет он проработал в «Огоньке», где был членом редколлегии, ответственным секретарем редакции. Неоднократно избирали его товарищи в партийное бюро, был он и секретарем партийной организации, его любили и уважали за честность, деловитость, принципиальность.

Болезнь вынудила его рано уйти на пенсию, но он не демобилизовался, не оставил пера, продолжал работать сколько хватало сил.

Огоньковцы не забудут Владимира Барыкина — боевого журналиста, славного, доброго, душевного товарища.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Исследование одной проблемы или темы. 7. Роман М. Горького. 9. Луговое растение. 11. Плетеная подстилка. 13. Старинная рукопись. 15. Столица Канады. 17. Ткань. 18. Наука о движении артиллерийских снарядов. 19. Просмоленная нитка для шитья кожаных изделий. 20. Французский поэт и драматург. 23. Ледокол арктического флота. 26. Пушной зверек. 27. Нарицательная стоимость. 28. Сорт яблок. 29. Город в Донецкой области.

По вертикали: 1. Кондитерское изделие. 2. Танец. 3. Русский художник-передвижник. 4. Областной центр на Украине. 6. Резкое различие, противоположность. 8. Занавес. 10. Полудрагоценный камень. 12. Лесная ягода. 14. Очковая змея. 15. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 16. Стихотворение А. С. Пушкина. 17. Лист бумаги с печатным заголовком. 21. Штат в США. 22. Надстрочный знак. 24. Промысловая лодка. 25. Город в Иркутской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали: 3. Грамматика. 7. Погодин. 8. Пифагор. 9. Параграф. 16. Балабан. 17. Антоним. 18. Рени. 19. Каравелла. 21. Лаврецкий. 23. Кеть. 24. Дельфин. 25. Бисквит. 26. Турникет. 31. Лауреат. 32. Тетерев. 33. Статистика.

По вертикали: 1. Малина. 2. «Синица». 3. Грот. 4. Агат. 5. Фольга. 6. «Хорошо!» 10. Рефрактор. 11. Рубильник. 12. Лазарев. 13. Карелия. 14. Инерция. 15. Дивизия. 20. Альманах. 22. Цикламен. 27. Ураган. 28. Есенин. 29. Ирис. 30. Нева.

На первой странице обложки: Десятки тысяч тракторов прошли через руки мастера сдаточного цеха Волгоградского тракторного завода Виктора Трошина. Вот и сегодня обходит он свое большое хозяйство перед отправкой машин в разные районы страны.

Фото Э. Эттингера.

На последней странице обложки: Дуб в Михайловском.

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 21/II-72 г. А 00640. Подп. к печ. 6/III-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 667 Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2580.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Николай БЫКОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

Пушкинские Горы. «...душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит».

ЗАПОВЕДНОЕ СВЯТОГОРЬЕ

Поэзия, как ангел утешитель,
Спасла меня...

А. С. Пушкин.

Иду по твердому снегу в Михайловское. Иду по санному следу — только что, сто сорок семь лет назад, здесь проехал Иван Пущин.

«...Пушкин! Наш поэт! Наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина?.. К этой мысли нельзя привыкнуть! 29 января, 2 ч. 45 м. пополудни».

Эти строки вырвались у человека, писавшего первый некролог для литературного прибавления к «Русскому инвалиду». Сто тридцать пять лет минуло с того дня. И вот — 2 часа 45 минут пополудни 10 февраля (нашего стиля) 1972 года. Стою у могилы А. С. Пушкина. Только что начался траурный митинг. Одна мысль сто тридцать пять лет потрясает сознание: «Нет уже у нас Пушкина...»

Снова и снова одолеваю путь от гостиницы, что ютится в доме настоятеля бывшего Святогорского монастыря, иду мимо звонких корпусов Пушкиногорской школы-интерната, через Бугрово, через Михайловский бор и слышу: «Нет, весь я не умру — душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит...» Есть, остался у нас Пушкин. К нему иду. К нему идут и идут современники в Михайловское. Паломники, туристы, экскурсанты. Сто тридцать пять лет...

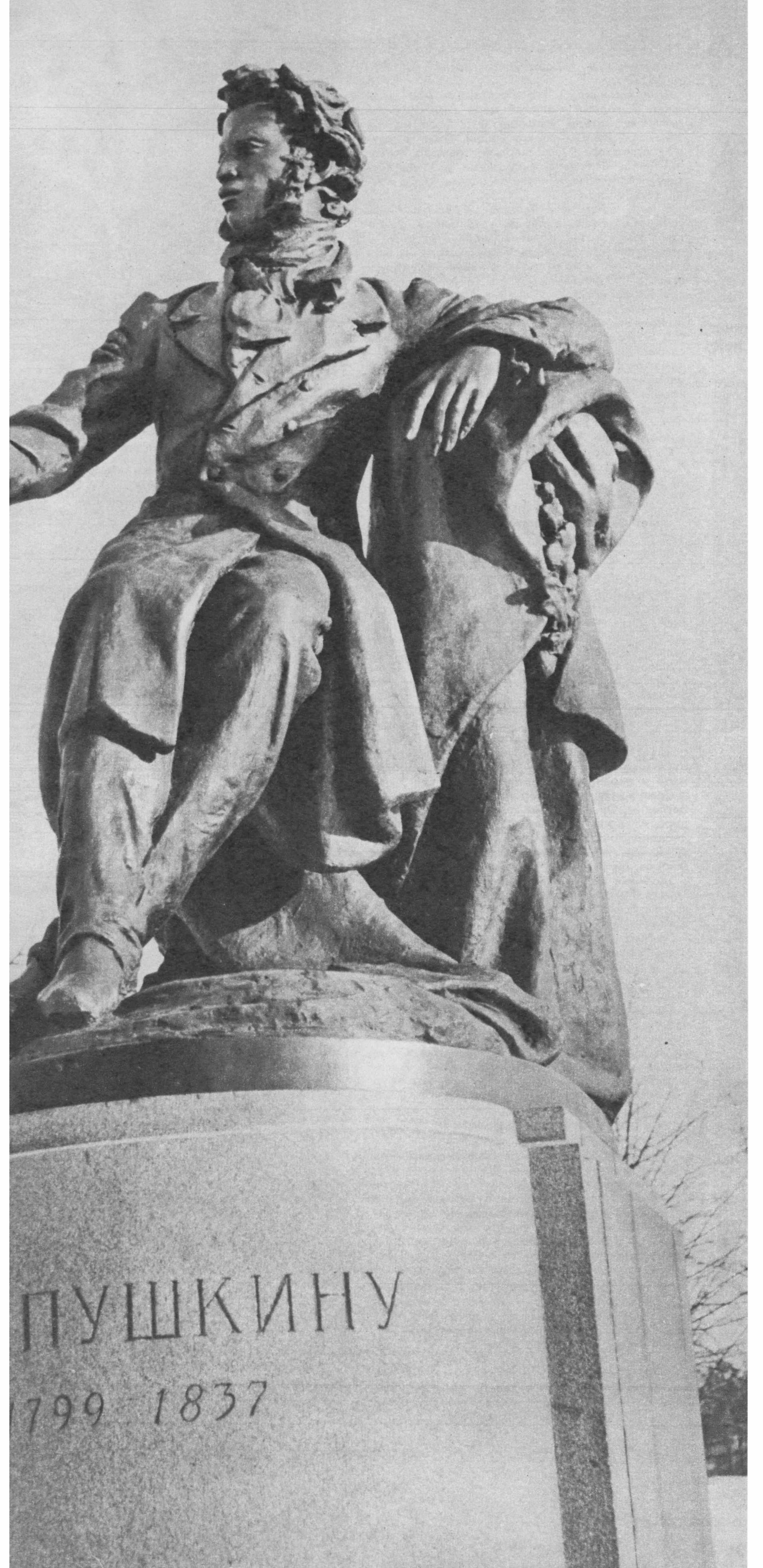
Случается, что со временем иное забытое понятие или название приобретает новый смысл, звучит с иным оттенком, чем встарь. Монастырь заложили и назвали Святогорским более четырех веков назад, а причина — явление чудотворной иконы на Синичьей горе отроку-пастуху. И весь этот «комплекс» — монастырь, круто взлетающие холмы, холодные долы, сосны да шатровые ели по ниспадающим склонам — прежде называли Святогорьем. Смысл ясен. И теперь те же места, где вечный праздник пушкинской музы, по праву называют с в я т ы м и, но придают теперь обновленному, переосмысленному слову иное, глубоко патриотическое значение.

Заповедному Святогорью в нынешнем марте исполняется пятьдесят лет. 17 марта 1922 года Малый Совнарком принял постановление по докладу А. В. Луначарского: «...объявить Пушкинский уголок — Михайловское и Тригорское, а также место погребения А. С. Пушкина в Святогорском монастыре — заповедным имением с передачей его под охрану, как исторического памятника, Народному комиссариату просвещения по Главмузею». Государственный Пушкинский заповедник был создан в развитие декрета об охране памятников природы, садов и парков, подписанного Лениным. Однако история создания заповедника уходит корнями к годам революционной переоценки ценностей. Еще в 1917 году волостной сход крестьян просил Совет рабочих и солдатских депутатов разрешить сбор денег на устройство в селе Михайловском «свободного Всероссийского университета имени А. С. Пушкина с бесплатным обучением всех желающих учиться». Мысль потрясающе логична: идти учиться к Пушкину. И у Пушкина. Чему? Многому и прежде всего вольнолюбию — мысль так естественна и насущна для революционного 1917 года.

Осень 1921 года. Псковский губисполком обратился в Наркомпрос «с ходатайством об объявлении Пушкинского уголка заповедным имением с принятием его под охрану, как исторического памятника, имеющего значение для всей республики». Тогда же был разработан и проект территории, в котором опять подчеркивалось, что пушкинское Святогорье суть места «всероссийского исторического значения, связанные с памятью и творениями великого национального гения». Первые работы в Михайловском провели бойцы Красной Армии. А с годами территорию заповедника расширили, он был передан в ведение Академии наук СССР.

Удивительно ощущение присутствия ж и в о г о Пушкина в Михайловском! Сначала ожидание встречи, потом встреча с ним — как с живым — в Доме-музее. Потом долгие прогулки с ним, с живым, по берегам Сороти, вдоль озера Маленец, в старых парках Тригорского и Петровского. Убежден: в Михайловское приезжать надо зимою. Разумеется, здесь красиво и летом, но «красиво» — это так мало. Зимнее Михайловское не баюкает — пробуждает сострадание. Михайловское — и место ссылки поэта. Более того, сюда он приехал не шалуном из Петербурга, но сознающим себя поэтом, разгоряченным поединком с вельможей Воронцовым. Из первой четырехлетней ссылки — в ссылку. Из огня в полымя. В холодное полымя оснеженных равнин и застывших вод.

...Когда в заповеднике выходной день, на усадьбе поэта ни шагов, ни голосов паломников. Снегири, будто крупные яблоки, раскатились под окнами молчащего дома. Скрипят черные ветвистые деревья. С шорохом ползет поздняя поземка. И куда бы ни ушел от пушкинского дома, заметенного синим снегом, всюду слышен хорал вековых сосен и елей — старые деревья до сих пор отпевают поэта.

И тогда чувство одиночества, испытанное здесь двадцатипятилетним Пушкиным, сжимает твое сердце...

Поэт, гонимый самовластьем, нашел здесь — поневоле — приют трудов и вдохновенья. О, конечно же, я помню, что здесь он написал более ста произведений — за два года заточения. «Кто творец этого бесчеловечного убийства? Или не убийство — заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской?..» — спрашивал в одном из писем своих П. А. Вяземский и, полный смятения, размышлял: «Должно точно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина!»

Вяземский верно догадывался: поэт точно был богатырем духовным.

И поэзия, как ангел утешитель, спасла его. Он метался по ближним и дальним окрестностям, много писал, много читал. (Пушкин позже шутил: двенадцать телег книг перечитал!) За два года ссылки отправил около ста двадцати писем — жаждал общения. И снова писал, писал... И другие писали, например, такой донос: Пушкин, мол, ездит верхом, а достигнув цели путешествия, отпускает лошадь одну, говоря, что всякое животное имеет право на свободу! Или вот еще такое предписание: «Усугубить всевозможное старание узнать достоверно...»

В первые же месяцы ссылки в Михайловском написан «Воображаемый разговор с Александром I»; диалог «равных» так кончился: «Но тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму Ермак или Кочум, разными размерами с рифмами». Ирония богатыря. Михайловское в принципе мало чем отличалось от Сибири, и Пушкин в отместку создал здесь, в своем Святогорье, «Бориса Годунова». Спасали его муза, сказки няни, песни дворовых; по утрам он «жарил» из пистолета в погреб, по вечерам играл в «два шара» на бильярде... И только три раза навестили друзья. Посещение Ивана Пущина особенно потрясло.

Сейчас Дом-музей ничем не напоминает «шалаш опальный». Отстроенный заново, светлоокрашенный, праздничный. Усадьба ухожена, полна птиц даже зимою, а летом, говорят, тут все поет, все благоухает. И надо выйти далеко за калитку, пролезть сугробами в бор и уж оттуда глянуть на дом, едва видимый за наметами снега, чтобы представить себе картину, открывшуюся мужественному Пущину: «...вломились с маху в притворенные ворота, при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора...

Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод...»

...Стонут, гудят деревья. Я оглядываюсь на дом опального поэта. Никого на крыльце... Сегодня здесь тишина. Люди придут завтра, как приходили вчера, а сегодня в музее выходной. Но колокольчик Пущина гремит уже много-много лет! Каждого здесь, в заповедном Святогорье, ждет встреча с Пушкиным.

«Мочи нет, хочется Дельвига»,— писал он когда-то. Паломникам Михайловского мочи нет — хочется Пушкина.

Пушкин и после ссылки бывал в Михайловском. Свободным он любил эти места. Но как он рвался отсюда, опальный, осенью 1826 года... Бенкендорф тогда осторожно присоветовал новому молодому царю в канун коронования: «Он все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, в этом будет прямая выгода». И вот царь гонит фельдъегеря за поэтом. Пушкин накинул шинель, и через полчаса его уже не было в Михайловском. Кучер Петр много позднее так поведал о страстно желанном часе свободы: «Приехал вдруг ночью жандармский офицер из города, велел сейчас в дорогу собираться, а зачем — неизвестно. Арина Родионовна растужилась, навзрыд плачет. Александр-то Сергеевич ее утешать. «Не плачь, мама,— говорит,— сыты будем; царь хоть куды ни пошлет, а все хлеба даст...» А в Михайловском остался холодный дом, а в доме — холодный камин с

Домик няни Арины Родионовны. Пушкин: «Она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно...»

Михайловский бор... «Не друг ли едет запоздалый...»

Начало сказки...

Здесь каждый с Пушкиным наедине.

пеплом «Записок», сожженных после 14 декабря 1825 года.

Опала кончилась. Началось время монаршей милости: новый молодой царь сам себя назначил цензором Пушкина. Это было начало близкого конца — конца жизни. Поэт выслушал приговор. В его кармане лежало стихотворение «Пророк», написанное в Михайловском; после того, как дошло сообщение о казни декабристов.

В заповедном для нас Михайловском Александр Сергеевич в первый раз был несмышленышем, всего нескольких месяцев от роду,— его привозили показать деду. Потом он был здесь в 1817 и 1819 годах, в 1824—1826 годах, а еще приезжал накоротке в 1827, 1835 и уже совсем на несколько дней в 1836 году — хоронить мать. Тогда же и купил себе место под стеною Успенского собора. Меньше чем через год в этом месте его похоронили. Была неслыханная стужа. Снова впереди Пушкина — на этот раз мертвого — скакал жандармский офицер. Закапывали гроб дважды. Сначала кое-как вырыли могилу — земля смерзлась, не поддавалась заступам. А уж весной отрыли могилу, соорудили что-то вроде склепа, тогда и похоронили Пушкина. Еще раз...

Пушкинские Горы теперь районный центр. И центр заповедника. Здесь правление колхоза имени А. С. Пушкина. Средняя школа имени А. С. Пушкина. Кинотеатр имени А. С. Пушкина. Газета «Пушкинский край»

Советское государство, советские люди много сделали для Пушкинского заповедника. Здесь человека посещают самые глубокие раздумия о всем сущем. Заново построен и открыт Дом-музей, начаты и ведутся большие реставрационные работы на всей территории заповедника. А он занимает более 700 гектаров!

Огромный урон нанесла война. Немцы взорвали Успенский собор, минировали могилу Пушкина.

Директор заповедника Семен Степанович Гейченко рассказал о варварских действиях фашистов, заложивших на территории заповедника более 4 тысяч мин. Он сказал: «Фашизм исходит из чудовищных предпосылок, ибо в основе своей античеловечен. Любите свободу?— подавить. Любите жизнь?— убить. Бережете и охраняете?— взорвать».

Поэзия Пушкина, народная память о нем нетленны. Он наш современник. В доме бригадира Алевтины Александровой живет восьмидесятишестилетний почетный колхозник колхоза имени А. С. Пушкина Андрей Маркович Марков. На обычный, вежливости ради вопрос о здоровье дед громко и неожиданно ответил:

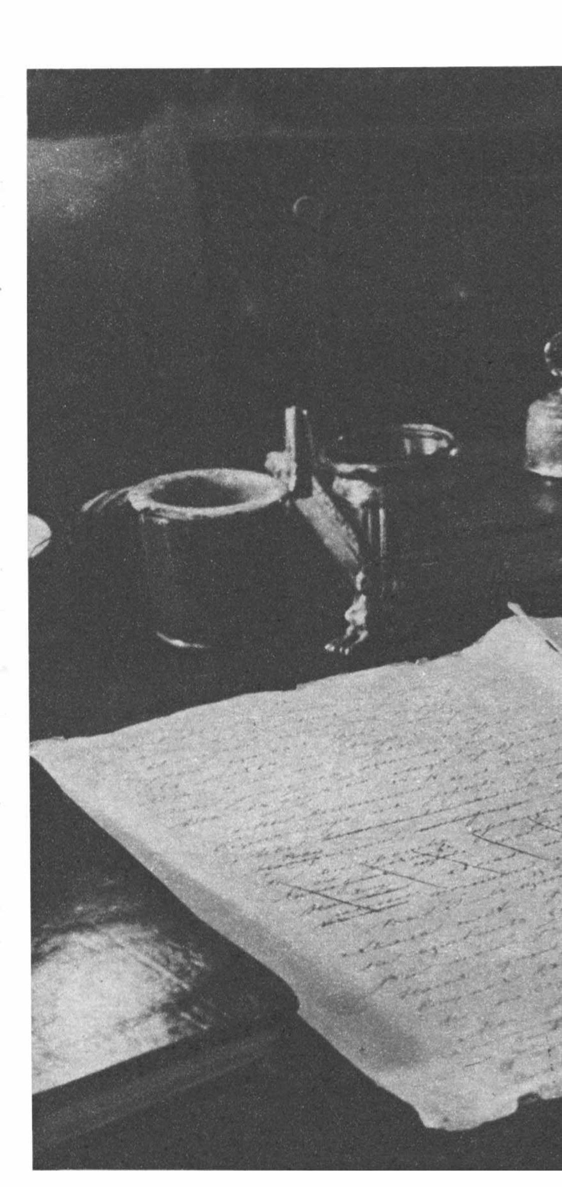
— А ничаво! Я сына Пушкина хорошо помню, Григория Александровича. Я ему назём в Михайловское возил...

Двенадцать научных сотрудников, все работники Пушкинского заповедника посвятили свою деятельность воссозданию дорогих мест. На очереди реставрация усадьбы Ганнибалов в селе Петровском. Будет открыт круглый год и дом друзей Пушкина в Тригорском. Зазвучат и колокола пушкинских времен над могилой поэта! Многие миллионы людей побывали за 50 лет в его доме. Каждый год в Михайловском отмечается день рождения Александра Сергеевича. Подготовлен к печати труд научных работников заповедника «Деревенские знакомые Пушкина». Семен Степанович Гейченко и его помощники собирают бывальщину, легенды о живом Пушкине.

А нынче, 17 марта, как рассказал секретарь Псковского обкома партии Леонид Никифорович Ульянов, в Пушкинских Горах состоится научная конференция. Она будет проведена в честь 50-летия Государственного музея-заповедника. Соберутся ученые Москвы и Ленинграда, Пскова и Михайловского. Гости из Ленинградской консерватории дадут концерт. В который раз оживет слово поэта...

Пушкин воспринимается живым, как никто из великих, ушедших из жизни. Это — чудо. Он живет в Михайловском, я только что был у него... Таким его сделали поэзия, свободолюбие, любовь народа. И когда я увидел, что Сороть напротив пушкинского дома не замерзла, течет, я воспринял это вполне реальное биение живой воды как символ вечно горячего ключа его поэзии. Будь же всегда, неиссякаемый родник — пушкинское Святогорье!..

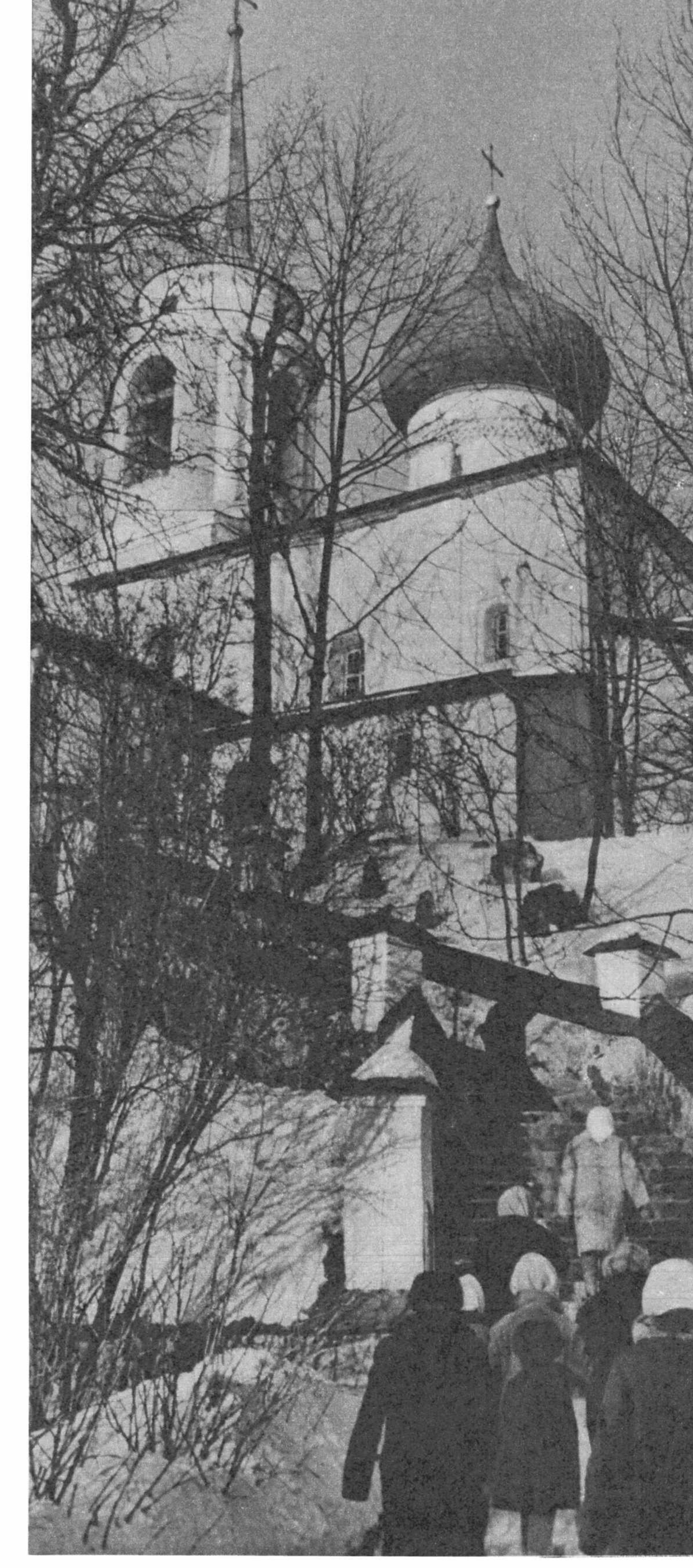

«Смилуйся, государыня рыбка!..» — бойко читает Вера дедушке Андрею Марковичу.

Кабинет поэта. Стол из Тригорского, за которым случалось работать А. С. Пушкину.

Стены Успенского собора помнят поэта живым.

Памятник на могиле А. С. Пушкина в Святогорском монастыре.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.